
ОГОНЁК
30 ИЮЛЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВ

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 30 (2247)

25 ИЮЛЯ 1970

Основан 1 апреля 1923 года

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ!

В знаменательные дни, когда со всех краев Советской страны идут вести о трудовой вахте в честь XXIV съезда КПСС, закончила свою работу первая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. Советский народ единодушно одобряет законы и постановления, принятые сессией. Избран Президиум Верховного Совета СССР, сформировано Советское правительство — Совет Министров СССР, избраны Председатели палат и их заместители, образованы постоянные комиссии палат. Рассмотрены и утверждены Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. Верховный орган власти Советской страны выступил с Заявлениями в связи с расширением агрессии американского империализма в Индокитае и о положении на Ближнем Востоке.

Принятые на сессии законы и постановления проникнуты заботой о новых успехах коммунистического строительства, о благе нашего народа, о новых победах в созидательном труде и неутомимом творчестве — обо всем том, чем живем мы сегодня, готовясь достойно встретить XXIV съезд КПСС.

А. П. ШИТИКОВ. Председатель Совета Союза.

Я. С. НАСРИДДИНОВА. Председатель Совета Национальностей.

Ш. М. ГАСАНОВА. Заместитель Председателя Совета Союза.

Е. З. ЗАЛИЕВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

Б. Е. ПАТОН. Заместитель Председателя Совета Союза.

В. Е. ЛОБАНОК. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

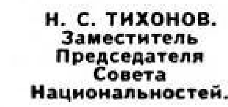
А. ДЖУМАЕВ. Заместитель Председателя Совета Союза.

У. К. РЫСМАМБЕТОВА. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

Д. РАСУЛОВ. Заместитель Председателя Совета Союза.

Н. С. ТИХОНОВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВ

Н. В. ПОДГОРНЫЙ. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

М. А. ЯСНОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. П. ЛЯШКО. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С. О. ПРИТЫЦКИЙ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С. Б. НИЯЗБЕКОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Г. С. ДЗОЦЕНИДЗЕ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Х. АРУТЮНЯН. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А.-М. КЛЫЧЕВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. А. МЮРИСЕП. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. П. ГЕОРГАДЗЕ. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. БОЛЬШУХИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Л. И. БРЕЖНЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. И. МИКОЯН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Г. С. ОРЛОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

И. Г. ПЕТРОВСКИЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

З. П. ПУХОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ш. Р. РАШИДОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Л. С. СОБОЛЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА СС

А. Н. КОСЫГИН. Председатель Совета Министров СССР.

К. Т. МАЗУРОВ. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. К. БАЙБАКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного планового комитета Совета Министров СССР.

В. Э. ДЫМШИЦ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

М. Т. ЕФРЕМОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

НОГО СОВЕТА СССР

К. А. ХАЛИЛОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. Ю. ШУМАУСКАС. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

К. Ф. ИЛЬЯШЕНКО. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В. П. РУБЕН. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Т. КУЛАТОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. ХОЛОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С. М. БУДЕННЫЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. В. ГРИШИН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. М. КАВУН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. КОНОТОП. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Д. А. КУНАЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

П. М. МАШЕРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ф. А. ТАБЕЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. С. ТОЛСТИКОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Л. Г. ТЫНЕЛЬ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

С. С. ЦЕЦЕГОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

М. З. ШАКИРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

П. Е. ШЕЛЕСТ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

—СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

В. А. КИРИЛЛИН. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике.

М. А. ЛЕСЕЧКО. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

В. Н. НОВИКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

И. Т. НОВИКОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства.

Л. В. СМИРНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. А. ТИХОНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР—

П. В. ДЕМЕНТЬЕВ.
Министр
авиационной
промышленности
СССР.

А. М. ТАРАСОВ.
Министр
автомобильной
промышленности
СССР.

Н. С. ПАТОЛИЧЕВ.
Министр
внешней
торговли
СССР.

А. К. КОРТУНОВ.
Министр
газовой
промышленности
СССР.

Б. П. БУГАЕВ.
Министр
гражданской
авиации
СССР.

В. В. БАХИРЕВ.
Министр
машиностроения
СССР.

К. Н. РУДНЕВ.
Министр
приборостроения,
средств автоматизации
и систем управления
СССР.

Б. П. БЕЩЕВ.
Министр
путей
сообщения
СССР.

В. Д. КАЛМЫКОВ.
Министр
радиопромышленности
СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ.
Министр
среднего
машиностроения
СССР.

А. И. КОСТОУСОВ.
Министр
станкостроительной
и инструментальной
промышленности
СССР.

Е. С. НОВОСЕЛОВ.
Министр
строительного,
дорожного
и коммунального
машиностроения
СССР.

К. И. ГАЛАНШИН.
Министр
целлюлозно-бумажной
промышленности
СССР.

А. И. ШОКИН.
Министр
электронной
промышленности
СССР.

А. К. АНТОНОВ.
Министр
электротехнической
промышленности
СССР.

Н. А. ЩЕЛОКОВ.
Министр
внутренних дел
СССР.

В. П. ЕЛЮТИН.
Министр
высшего и среднего
специального
образования
СССР.

А. В. СИДОРЕНКО.
Министр
геологии
СССР.

Е. Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ.
Министр
мелиорации
и водного хозяйства
СССР.

Ф. Б. ЯКУБОВСКИЙ.
Министр
монтажных
и специальных
строительных работ
СССР.

С. Ф. АНТОНОВ.
Министр
мясной и молочной
промышленности
СССР.

В. С. ФЕДОРОВ.
Министр
нефтеперерабатывающей
и нефтехимической
промышленности
СССР.

А. А. ГРЕЧКО.
Министр
обороны
СССР.

В. П. ЛЕИН.
Министр пищевой
промышленности
СССР.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

В. Н. ДОЕНИН. Министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР.

П. В. ГУСЕНКОВ. Министр медицинской промышленности СССР.

Т. Б. ГУЖЕНКО. Министр морского флота СССР.

В. Д. ШАШИН. Министр нефтяной промышленности СССР.

С. А. ЗВЕРЕВ. Министр оборонной промышленности СССР.

С. А. АФАНАСЬЕВ. Министр общего машиностроения СССР.

Б. Е. БУТОМА. Министр судостроительной промышленности СССР.

И. Ф. СИНИЦИН. Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

Е. Ф. КОЖЕВНИКОВ. Министр транспортного строительства СССР.

В. Ф. ЖИГАЛИН. Министр тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР.

К. И. БРЕХОВ. Министр химического и нефтяного машиностроения СССР.

Л. А. КОСТАНДОВ. Министр химической промышленности СССР.

З. Н. НУРИЕВ. Министр заготовок СССР.

Б. В. ПЕТРОВСКИЙ. Министр здравоохранения СССР.

А. А. ГРОМЫКО. Министр иностранных дел СССР.

Е. А. ФУРЦЕВА. Министр культуры СССР.

Н. Н. ТАРАСОВ. Министр легкой промышленности СССР.

Н. В. ТИМОФЕЕВ. Министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

А. М. ТОКАРЕВ. Министр промышленного строительства СССР.

И. А. ГРИШМАНОВ. Министр промышленности строительных материалов СССР.

М. А. ПРОКОФЬЕВ. Министр просвещения СССР.

А. А. ИШКОВ. Министр рыбного хозяйства СССР.

Н. Д. ПСУРЦЕВ. Министр связи СССР.

С. Д. ХИТРОВ. Министр сельского строительства СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР—СОВЕТ

В. В. МАЦКЕВИЧ. Министр сельского хозяйства СССР.

Г. А. КАРАВАЕВ. Министр строительства СССР.

Н. В. ГОЛДИН. Министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР.

А. И. СТРУЕВ. Министр торговли СССР.

Б. Ф. БРАТЧЕНКО. Министр угольной промышленности СССР.

В. Ф. ГАРБУЗОВ. Министр финансов СССР.

П. В. КОВАНОВ. Председатель Комитета народного контроля СССР.

А. П. ВОЛКОВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.

В. К. СИТНИН. Председатель Государственного комитета цен Совета Министров СССР.

А. А. БУЛГАКОВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию.

С. Г. ЛАПИН. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию.

Г. И. ВОРОБЬЕВ. Председатель Государственного комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР.

М. Н. СВЕШНИКОВ. Председатель правления Государственного банка СССР.

В. Н. СТАРОВСКИЙ. Начальник Центрального статистического управления при Совете Министров СССР.

Г. И. ВОРОНОВ. Председатель Совета Министров РСФСР.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Председатель Совета Министров Украинской ССР.

Т. Я. КИСЕЛЕВ. Председатель Совета Министров Белорусской ССР.

Р. КУРБАНОВ. Председатель Совета Министров Узбекской ССР.

И. А. МАНЮШИС. Председатель Совета Министров Литовской ССР.

П. А. ПАСКАРЬ. Председатель Совета Министров Молдавской ССР.

Ю. Я. РУБЭН. Председатель Совета Министров Латвийской ССР.

А. С. СУЮМБАЕВ. Председатель Совета Министров Киргизской ССР.

А. КАХАРОВ. Председатель Совета Министров Таджикской ССР.

Б. А. МУРАДЯН. Председатель Совета Министров Армянской ССР

МИНИСТРОВ СССР

П. Ф. ЛОМАКО. Министр цветной металлургии СССР.

И. П. КАЗАНЕЦ. Министр черной металлургии СССР.

П. С. НЕПОРОЖНИЙ. Министр энергетики и электрификации СССР.

С. А. СКАЧКОВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

Ю. В. АНДРОПОВ. Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

А. А. ЕЖЕВСКИЙ. Председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» Совета Министров СССР.

Б. АШИМОВ. Председатель Совета Министров Казахской ССР.

Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ. Председатель Совета Министров Грузинской ССР.

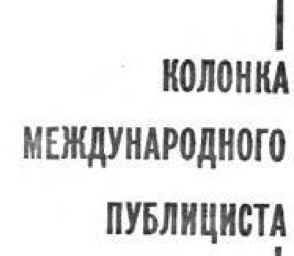
А. Н. ИБРАГИМОВ. Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

О. Н. ОРАЗМУХАМЕДОВ. Председатель Совета Министров Туркменской ССР.

В. И. КЛАУСОН. Председатель Совета Министров Эстонской ССР.

ВОЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Владимир НИКОЛАЕВ

В Кремле завершила свою работу первая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. Среди важных решений, принятых на этой сессии, было два Заявления по международным вопросам. Одно из них — Заявление в связи с расширением агрессии американского империализма в Индокитае.

Рассмотрев положение, сложившееся в этом районе мира, сессия отмечает, что агрессия США вступила в новый опасный этап. Продолжая свою интервенцию во Вьетнаме и Лаосе, американские захватчики расширили военные действия на Камбоджу. Тем самым международная обстановка еще больше осложнилась, поставлен под угрозу мир во всей Юго-Восточной Азии. Еще и еще раз со всей очевидностью проявились захватнические, колониалистские замыслы империализма США. Именно этим преступным целям служит и усиленно проводимая сейчас политика, направленная на то, чтобы заставить «азиатов воевать против азиатов».

Верховный Совет СССР, выражая волю советского народа, выступил с решительным осуждением американской агрессии в Индокитае. Советские люди на стороне борющихся патриотов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Советский Союз, свято выполняя свой интернациональный долг, оказывает им всемерную поддержку. Верховный Совет СССР обратился с призывом к парламентариям всех стран и ко всем людям доброй воли поднять голос протеста против агрессивных действий американского правительства в Индокитае.

Во всем мире, в том числе и в самих Соединенных Штатах, все выше поднимается волна народного гнева против преступной войны в Индокитае. Несколько лет назад я беседовал с четырьмя американскими военнослужащими, которые одними из первых отказались воевать во Вьетнаме и попросили убежища в нейтральной стране. Тогда активные выступления против агрессии США во Вьетнаме были уделом немногих американцев. Сегодня Соединенные Штаты охвачены огнем борьбы за вывод американских войск из Индокитая. Сегодня залпы по патриотам Вьетнама сливаются с выстрелами полицейских в американских студентов, протестующих против грязной войны в Индокитае. Нет, недаром в Заявлении Верховного Совета СССР говорится: «Опыт истории показывает, что народы, которые борются за свободу и независимость своих стран и на стороне которых выступают социалистические государства, миролюбивые, антиимпериалистические и прогрессивные силы всего мира,— непобедимы».

На сессии Верховного Совета СССР было принято также Заявление о положении на Ближнем Востоке. В нем выражена серьезная озабоченность и тревога в связи с угрозой всеобщему миру, создаваемой на Ближнем Востоке агрессивными действиями Израиля и его империалистических покровителей. Вот уже четвертый год продолжается агрессия Израиля против арабских государств. За его спиной стоит американский империализм. Поощряемый этой поддержкой, Израиль не выполнил ни одного решения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН в связи с ближневосточным кризисом.

Закрепление плодов своей агрессии — вот цель нынешней политики Израиля. Это политика империализма, стремящегося нанести удар по освободительному движению арабских народов и сохранить свои стратегические и экономические позиции в этом районе.

Но время явно работает против агрессора. Растет сопротивление арабских народов, закаляются в борьбе их силы. Это я увидел, посетив недавно Объединенную Арабскую Республику. На фронте, вдоль голубой ленты Суэцкого канала, египетская армия наносит все более чувствительные удары по агрессору. Египетское небо уже перестало быть для израильских стервятников вполне безопасной зоной. В этом меня убедили встречи с зенитчиками ОАР. В этом же убеждают весь мир растущие цифры потерь израильской авиации. Египетский тыл, достижения промышленности и сельского хозяйства позволяют с уверенностью сказать, что правое дело арабских народов восторжествует.

В своем Заявлении Верховный Совет СССР полностью одобряет политику Советского правительства по оказанию всесторонней помощи арабским государствам в их мужественной борьбе против израильской агрессии, политику, направленную на достижение справедливого, мирного урегулирования ближневосточного конфликта. Эта же политика нашла свое яркое отражение в Совместном коммюнике, опубликованном в связи с недавним дружественным визитом в Советский Союз Президента ОАР Гамаль Абдель Насера и его переговорами с советскими руководителями.

Пресса всего мира широко освещает результаты этих переговоров. Каирская газета «Аль-Гумхурия» подчеркивает: «Каир и Москва подтверждают, что мир на Ближнем Востоке не может быть достигнут без вывода израильских войск со всех арабских территорий». Американское агентство ЮПИ отмечает, что Советский Союз и Египет подтвердили свое стремление к дальнейшему расширению сотрудничества в политической, экономической и оборонной областях.

В упомянутом выше Совместном коммюнике говорится: «Чем раньше миролюбивые силы заставят Израиль отказаться от бесперспективной политики «с позиции силы» по отношению к арабским народам, тем быстрее будет обеспечен справедливый и прочный мир в этом районе». В этом кровно заинтересованы не только народы Ближнего Востока, но и всего мира.

ДОБРЫЕ СОСЕДИ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства нашу страну с официальным визитом посетил Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен.

Президент У. Кекконен имел беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, а также встречи и беседы с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

В ходе бесед, проходивших в атмосфере дружбы и откровенности, состоялся обмен мнениями по вопросу сотрудничества между обеими сторонами и по широкому кругу международных проблем.

Выражением искреннего стремления Советского Союза и Финляндии к дальнейшему всестороннему развитию добрососедских отношений явилось продление на 20 лет срока действия советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного в 1948 году. 20 июля в Кремле министры иностранных дел обеих стран подписали об этом соответствующий протокол.

«Это, несомненно, акт большого политического значения не только для отношений между нашими странами, но и для международных отношений в целом, и прежде всего для улучшения политического климата в Европе»,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

На снимке: Москва. Кремль. 20 июля. Подписание протокола между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой.

Фото В. Сметанина.

Богатого урожая!

Юбилей известного литературно-художественного ежемесячного альманаха «Кубань» не только праздник литераторов Краснодарского края, но и заметное событие в жизни нашей литературы.

Еще гремели битвы Великой Отечественной войны, когда во многих областях и краях страны началась подготовка к выпуску новых литературных журналов. Одним из этих «новорожденных» был альманах «Кубань». Вокруг редакции постепенно рос авторский актив, журнал дал путевку в большую литературу многим известным ныне всей стране произведениям, многим в то время молодым, а ныне уже маститым писателям. Достаточно вспомнить первые публикации «Чести смолоду» Аркадия Первенцева, «Рассказов о пластунах» Владимира Монастырева, «Семьи Звонаревых» А. Степанова, «Степи широкой» Н. Винникова.

Журнал не только активно участвует в жизни края, не только знакомит кубанцев с прозой, стихами, публицистикой, литературной критикой, но и помогает росту молодых литераторов, ведет большую работу по пропаганде литературы.

Основная тема альманаха — жизнь сегодняшней Кубани, радости ее, думы и заботы.

Недаром Краснодарский крайком КПСС и крайисполком, награждая большую группу авторов и работников альманаха во главе с его редактором Николаем Веленгуриным почетными грамотами, особо отметил именно активное участие литераторов в жизни края, большую помощь, которую они оказывают труженикам городов и станиц.

Весьма символично, что юбилей альманаха совпал с днями, когда на полях Кубани идет уборка хлеба и люди приветствуют друг друга словами: «Богатого урожая!»

И в эти дни праздника писателей-кубанцев хочется пожелать им:

— Большого вам, товарищи, урожая романов и повестей, поэм и стихотворений, очерков и статей!

Борис ПРИВАЛОВ

ПРАЗДНИК

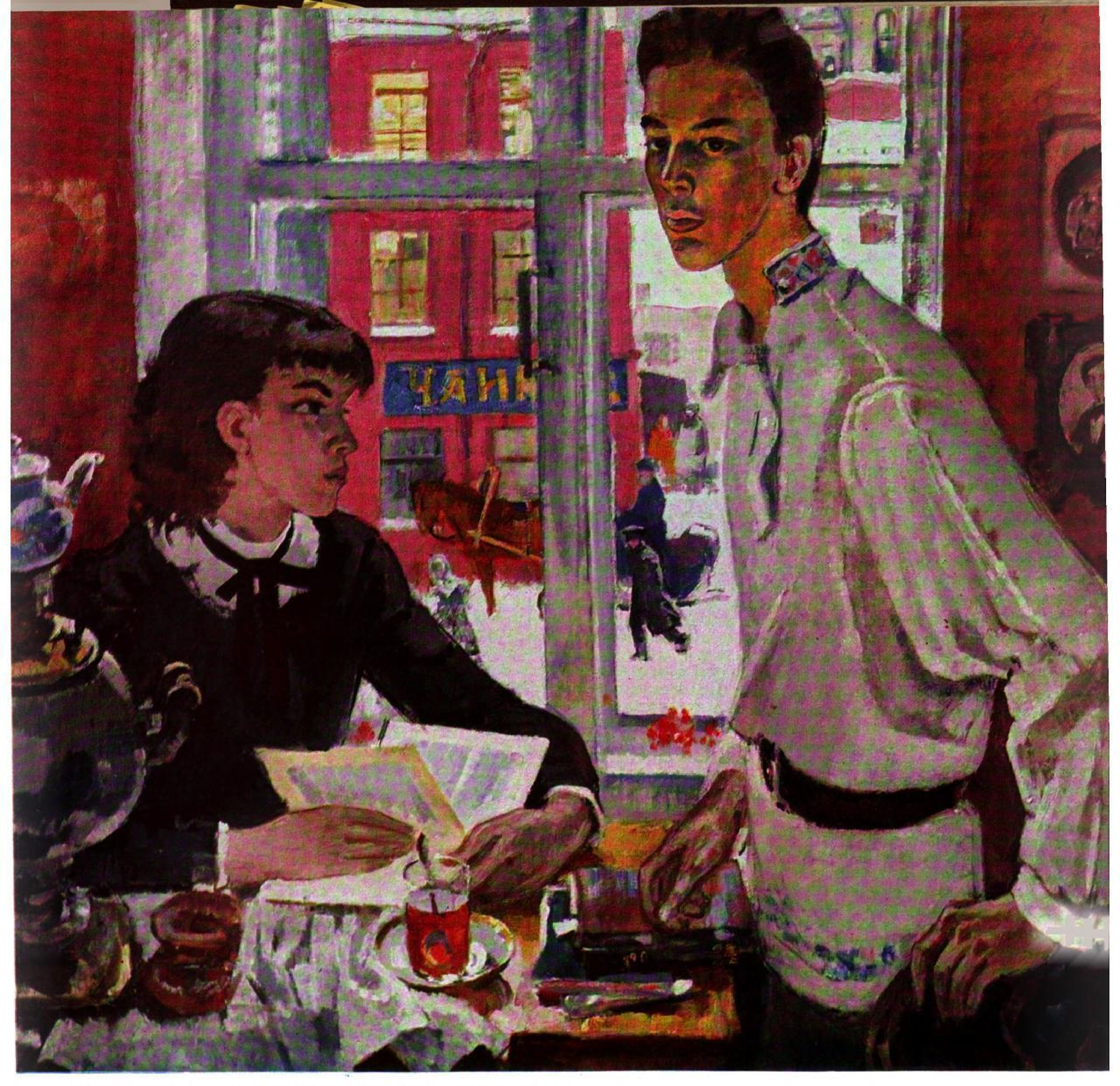
Уютный интерьер скромного дома. На столе обычный для старой России завтрак. Самовар, бублики... За окном неторопливая жизнь русской провинции конца прошлого столетия. С извозчиками, чайными, монументальными дворниками в белых фартуках. На этом подчеркнуто бытовом фоне живописного полотна двое. Девушка, задумавшаяся над раскрытой книгой, и стройный юноша в вышитой косоворотке, перетянутой студенческим ремнем. Отодвинув недопитый стакан чаю, собрав книжки, размеченные закладками в нужных местах, он поднялся было уходить, но на миг помедлил, верно, задумавшись над какой-то сейчас прочитанной строкою... Выражение серьезности, решимости и вместе мечтательности запечатлела на лице своего героя ленинградская художница Ольга Богаевская.

«Брат и сестра. Анна и Александр Ульяновы»... Прочтя это название, мы так же, как и посетители Всесоюзной художественной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, где была впервые показана эта картина, понимаем: не документальной передачей внешнего сходства героев был озабочен автор. Стремилась художница передать атмосферу готовности к подвигу, высокой интеллигентности, духовной чистоты, умной и светлой серьезности...

Детали фона, обстановки не все выписаны, а некоторые даже лишь только намечены: портрет Чернышевского, семейная фотография Ульяновых на стене... Они каждому столь знакомы, что наше воображение само дорисовывает подробности. Полотно О. Богаевской надо рассматривать как символ революционной юности, высокого героизма тех лет. Художница попыталась создать в своей картине как бы наше представление о далекой поре истории. О прекрасных ее людях...

Четко вылепленное, одухотворенное лицо Александра Ильича словно излучает теплый внутренний свет, контрастирующий с холодным, сумеречным свечением пейзажа за окном. Это лицо будто отлито из бронзы. Художница создавала не просто картину... Живописный памятник героям!

Рядом с полотном, посвященным брату и

О. Богаевская (Ленинград). БРАТ И СЕСТРА. АННА И АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВЫ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

М. Бельский (Киев). МЕТАЛЛУРГИ ДОНБАССА.

сестре Владимира Ильича Ленина, особенно глубокий смысл приобретают картины о современности. Они как частицы будущего, которое, быть может, видится задумавшемуся Александру Ульянову оттуда, из более чем столетней давности провинциального Симбирска!..

Азербайджанец Надир Касумов, много работавший в области портрета и тематической картины, последние годы увлечен пейзажем. На вкладке одна из новых его пейзажных работ — «Бухта Ильича», созданная на берегах Каспия. В сопоставлении серебристо-голубых и густо-синих тонов неба и водной глади с буро-зеленой окраской наступающей на море суши, в четких силуэтах нефтяных вышек живописец воплотил рассказ о трудовом подвиге советских людей, творящих могучую индустрию республики.

Молодой туркменский мастер Дурды Байрамов, воспитанник Московского Суриковского художественного института, встретился со своими героинями в одном из колхозов родной республики. Художник старался не нарушить непринужденности поз, естественности выражений на лицах. Он не слыхал, о чем вели свою неторопливую, негромкую беседу женщины. О колхозных ли делах, семейных ли заботах... Мы этого тоже не узнаем. Но зато раскрыл нам молодой художник главное: особенность характера каждой из своих портретируемых — задумчивого, мечтательного, сдержанного или решительного. Он воплотил на холсте единство человека и края, передал в немногих скупых деталях — уборах женщин, орнаменте ковра, цветовой гамме одежд, позах, скомпоновавших три женские фигуры в единое целое,— неповторимый национальный колорит. И мы безошибочно узнаем Туркмению.

А на соседнем холсте поет, звенит Закарпатье!

Михаил Романишин, уроженец поселка Великий Березный, что в сорока километрах от Ужгорода, чаще и больше всего пишет родные места.

— Чтобы написать эту картину к столетию В. И. Ленина,— рассказал художник,— я поехал в верховинское село Гусный, которое до воссоединения Закарпатья с Советской Украиной считалось у нас самым бедным, захудалым. Приехал и увидел, как все с той поры изменилось. Богатый колхоз, веселые, гордые люди, новые дома из кирпича, нарядно крытые черепицей. А про те две низкие, с почти невидными из-под насупленных соломенных крыш-шапок крохотными оконцами хаты-мазанки, что попали и в мою картину, гуснанцы говорили мне: «Сохраняем их как реликвию, как памятник старины».

Позировали мне на фоне родного села гуснанские же девчата да хлопцы. От вихревого их танца словно бы все кругом закружилось, заплясало... Славится Закарпатье красочным разнообразием национального наряда. Но выбрал я из всех те белоснежные платья и рубахи в скромных букетах вышивки, что носят мои земляки. И засиял белый цвет на теплом золотисто-красном фоне картины. Еще праздничнее сделался мой «Праздник»!

Мажорный, торжественный красный цвет залил дышащее жаром полотно киевлянина Михаила Бельского. Этот живописец творчество свое посвящает металлургам и шахтерам Донбасса. Их дружащий с огнем, боевым натиском труд, может, оттого так близок и понятен Михаилу Гавриловичу, что испытал художник в годы войны огненный, ратный труд артиллериста.

После одной из выставок в Донбассе рабочие Донецкого ордена Ленина металлургического завода имени В. И. Ленина писали в адрес художника: «Вы покорили нас своей духовной близостью, родством с великой семьей рабочих, родством убежденного коммуниста... Вам удалось проникнуться вдохновением металлургов в их самоотверженной работе на Ленинской трудовой вахте, правдиво и волнующе запечатлеть наш труд»

Эльвира ПОПОВА

Валентин СИДОРОВ

Голубые холмы Индостана

Корабли плывут
Будто в Индию...
С. Есенин

1

Дух мечты ничто не изменило,
И ничто, наверно, на земле
Нас с такою силой не манило,
Как манила Индия к себе.

Мы стремились к ней, и не напрасно,
Не затем, что жаждали чудес,
А затем, что нам и ей подвластны
Высота и широта небес.

И уму неведомые дали
Млечный Путь соединял, светясь.
Пусть не сразу мы, но угадали
Наших душ таинственную связь.

Книга книг для нас с тобой открыта,
И в безмолвье звездном и ночном
В языке воскресшего санскрита
Мы глагол славянский узнаем...

2

Голубые холмы Индостана.
(Свет скользит по отвесной скале.)
Мне сегодня нисколько не странно
Вас увидеть в редеющей мгле.

Море ниточкой тонкой синеет
И уходит, звеня, в синеву.
Не пойму: наяву ли, во сне я,
Только кажется мне — наяву.

Нелегко мне далось ожиданье.
И ниспослана, как испытанье,
Черновая работа годов,
Чтобы ты различил очертанья
Прилегающих к небу холмов,
Чтобы в сумраке влажного леса,
Где простерся над нами навес,
Вдруг исчезла, как дымка, завеса,
Отделившая нас от небес,
Чтоб воскрес из слепого тумана
Фантастический блеск облаков...

Голубые холмы Индостана,
Многорукие тени веков...
Сколько раз затихающей ночью
Среди мелких забот и труда
Вас я видел, хотя и воочью
Вас не видел еще никогда...

3

И опять за ратью рать теснится
В полумгле проснувшихся веков,
И опять грохочут колесницы
И трепещут отблески клинков.

Чья орда, какой набег вершила?
Задыхались в пламени дома,
И глаза бесчисленные Шивы
Равнодушно заливала тьма.

И опять, бунчук свой и знамена
Водрузивши в гордой высоте,
Победитель с думой затаенной
Подступал к невидимой черте.

Но она, как призрачная небыль,
С горизонтом уходила вспять.
Беспредельность скрывшегося неба
Не понять, не тронуть, не объять.

Вот и все.
В ночи мерцают реки.
Звездным светом зыблются ручьи.
Звуки труб растаяли навеки,
Стали прахом копья и мечи.

Колесницы, конница, пехота,
Как песок меж пальцев, протекли,
Не нарушив даже на йоту
Равновесье неба и земли.

4

Гасит отзвуки лунного эха
Гималаев пылающий снег.
Над обителью вечного снега
Вечность свой замедляет разбег.

В свете звездных и трепетных молний
У подножья незыблемых скал
Нарастающий голос безмолвья
Настигает тебя, как обвал.

Нет, не зря, как ведется издревле,
Ты к вершинам свой путь совершил.
Ты увидел воочию Время,
Что туманом нисходит с вершин.

И увидел ты мысленным взором:
Круг за кругом пройдя по земле,
Утолив свою жажду простором,
Возвращается Время к себе.

И услышал ты голос простора,
Что растаял, протяжно звеня:
— Все прейдет.
Не прейдут эти Горы,
Это Небо и эта Земля.

5

Не в объятьях тропической неги,
И не так, как другие цветы,—
Лотос долго готовит побеги
Под тяжелою толщей воды.

День за днем незаметно растает,
Ночь за ночью померкнет,
пока
Из воды над водою восстанет
Неподвижная чаша цветка.

Закачается гордо и плавно
Отраженный волной силуэт,
И тогда станет тайное явным,
Станет зримым невидимый свет.

Только лотос восходит не сразу,
И ускорить восход не спеши.
Не подвластный ни слуху, ни глазу,
Он подвластен движеньям души.

На холме, голубом и отвесном,
Мы стоим, чуть примявши траву,
И ни словом, ни звуком, ни жестом
Мы не смеем мешать волшебству.

И не смеем уйти мы отсюда.
Тишиною весь мир побежден.
Под водою свершается чудо.
Время есть.
Помолчим.
Подождем.

мила Владимировна один за другим бесчисленные пакеты и пакетики с семейными фотографиями. Аккуратными стопками по порядку раскладывает их рядом с собою на тахте.

— Экое же сохранили вы богатство! — говорю я с восхищением.

— Да,— спокойно соглашается Маяковская.— И к тому же не все из этого печаталось... Я отберу свои любимые. Посмотрите — наши отец и мать летом 1893 года, когда родился Володя. А вот тут в сборе вся наша семья... Вот Володя рядом с отцом... Здесь отец вместе со своими объездчиками...

И, весело блестя темными живыми глазами, Людмила Владимировна быстро называет всех объездчиков по именам.

— Как можно было с тех пор каждого запомнить! — не скрывает удивления Юлия Ипполитовна.— Они грузины?.. Они разговаривали с вами по-русски?

— Нет, мы сами говорили с ними по-грузински,— отвечает наша собеседница.— Грузинский язык мы знали, как русский. Отец считал, что нельзя жить среди народа, не зная обычаев народа... Ведь иначе все в нашей семье, конечно, чувствовали бы себя в Багдади, в Грузии какими-то чужаками, отщепенцами. А при том отношении ко всему, что нас окружало и что мы воспринимали от родителей, мы начинали особенно глубоко любить и ценить все свое родное, русское и в то же время совершенно естественно воспринимали культуру другого народа, как явление столь же великое и могучее...

Всегда поэтически настроенный, наш отец буквально обожал прекрасную природу Грузии,— продолжает Людмила Владимировна.— До сих пор помню, как он говорил, что в мире

Багдади. Дом Маяковских. Слева — холм, поросший деревьями,— Володина горка.

Маяковские

Н. ТОЛЧЕНОВА

— Вот истоки романтизма... Вот это и есть истоки романтизма,— тихо повторяет Людмила Владимировна.

Задумчиво, но очень настойчиво, как открытие, произносит она эти слова и долго держит перед глазами поблекшую от времени фотографию. Едва различимо угадываются на ней прозрачные контуры далеких гор, купы шумящих на ветру деревьев, плоские берега реки, усеянные большими камнями...

— Багдади. Наш Багдади...

— А где дом?

— Тут не видно. Другая есть фотография, та лучше. Более поздняя. Сейчас найду. Вот, смотрите, дом, а слева холм. Это Володина горка. Мы еще в детстве так назвали: Володина горка. Ходили туда за цветами, за земляникой. И просто так ходили — посмотреть на мир вокруг себя. Широко все оттуда казалось, просторно...

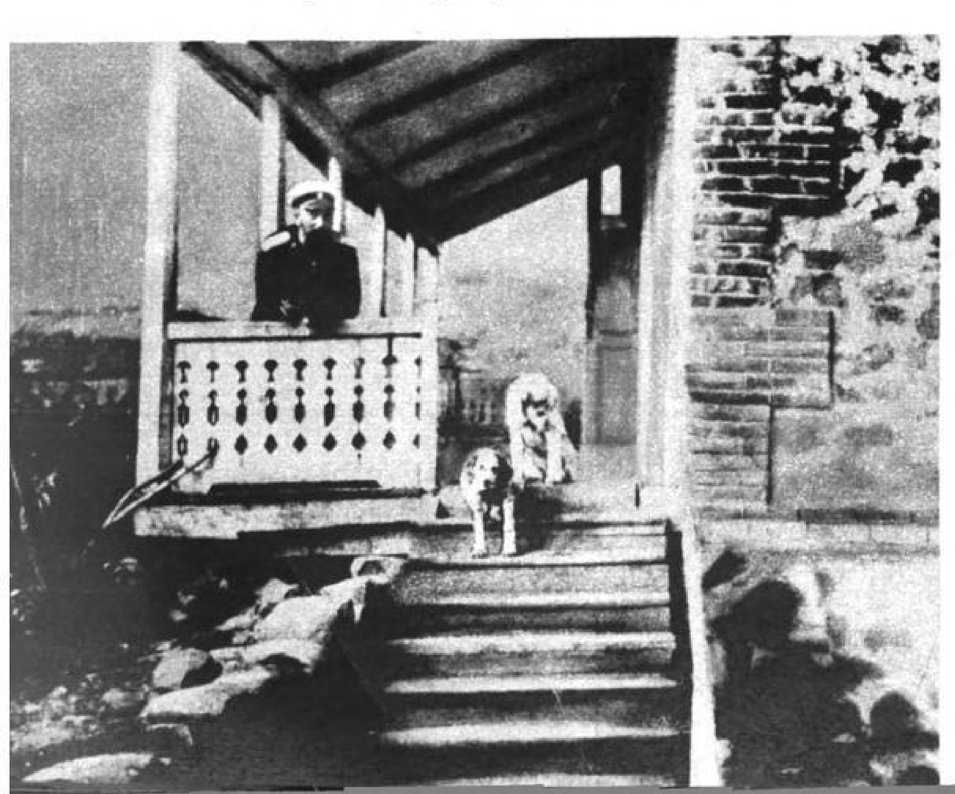
Мы обе — я и давний друг Маяковских, Юлия Ипполитовна Солнцева — с интересом наблюдаем, как неспешно, методически разбирает Люд-

есть только три перла создания: ночь пушкинская, ночь гоголевская и наша ночь — грузинская, багдадская...

Родители были очень дружны между собою, внимательны и доброжелательны к окружающим. Разумеется, это без всякого нажима, просто и естественно передавалось детям. Каждого гостя, пришедшего в дом Маяковских, сначала усаживали за стол, кормили и поили «чем бог послал», а потом уже выслушивали его, говорили с ним. Это была не только традиция: тут сказывались и весь уклад жизни и вся душевная, внутренняя настроенность старшего поколения Маяковских, прежде же всего их человечность, их широта и доброта.

В семье всегда царило веселое, но и деловое настроение. Все имели свои особые увлечения и пристрастия, но в то же время у всех были какие-то общие прочные семейные черты. Например, все любили животных, «дружили» с ними. Вот на фотографии В. К. Маяковский со своими собаками: та, что сидит наверху,— Вега, а на ступеньке пониже — Рона; Владимир Кон-

Отец поэта, Владимир Константинович Маяковский.

Александра Алексеевна, мать поэта.

Людмила Владимировна на

стантинович очень их ценил за ум и сноровку; они были ему хорошими помощниками в лесу.

Нет, это не охотничьи собаки,— отвергает нашу догадку Людмила Владимировна.— Охоту отец не признавал. Он никогда не стрелял сам и не понимал тех, кто любил убивать животных. Помнится, он пробовал разводить каких-то необыкновенных «мохнатых» кур; были эти куры очень красивые, и мы горько рыдали, если вдруг какая-нибудь из них попадала в кастрюлю... Помню, отец как-то сказал, что мечтает завести павлина — вот бы красовался на дворе! Но это, конечно, осталось мечтой неосуществимой. Откуда было взяться павлину, когда даже нам, детям, покупалось лишь самое необходимое: одежда, ну и, разумеется, книги. Остальное считали обывательскими пустяками, не заслуживающими внимания... В общем-то жизнь в семье шла дружная, сплоченная, но если сравнить с сегодняшней жизнью людей, то спартанская, как у всей русской дореволюционной интеллигенции...

Нас, детей, держали строго: никогда мы ничего у родителей не выпрашивали, не клянчили, да нам это и в голову не приходило! Мать и отец приучали нас ценить то, что мы имели, а главное — радоваться добрым отношениям с людьми, природе, жизни — всему живому и прекрасному в ней... Впитывая красоту окружающего, мы с самого раннего детства учились понимать и любить прекрасное. Оно часто находило отражение в наших детских рисунках. К сожалению, их не удалось сохранить. А рисовали мы все. И Володя, даже когда он был совсем еще маленький, еще не умея ни читать, ни писать, уже рисовал, и очень хорошо. А моя собственная способность к рисунку помогла мне потом определить и будущую мою профессию — художника по тканям.

Разносторонность интересов, поэтическое отношение к жизни шло у нас от родителей: при удивительном несходстве характеров они были едины в любви к искусству — пению, поэзии, музыке, танцу и всячески поддерживали в нас, детях, эти склонности; хотя в детстве Володя всего только два раза удивил всех нас своими собственными рифмами...

Мама, будучи очень строгим, сдержанным и требовательным к себе человеком, любила поэзию, так же как и отец; она много знала наизусть, сама писала стихи, рисовала... У нее был и отличный вкус, которому она не изменяла ни в чем, и неизменная последовательность взглядов. Папа же был очень порывистым, экспансивным, увлекающимся человеком. Он считал, что черта эта у него — от далеких предков, а они были, как папа рассказывал с гордостью, запорожскими вольными казаками... Всегда отец как бы постоянно обновлялся: он ни в чем не любил однообразия, скучных повторов, монотонности: его стремительная творческая мысль всегда влекла его вперед, от застоя и рутины... Мама же была само постоянство; отличаясь удивительным терпением и выносливостью, она незаметно старалась привить и нам, детям, эти качества, столь необходимые в жизни. Порою мы догадывались, что этим она помогала в трудные минуты даже отцу, переживавшему все очень горячо. Своей выдержкой мама умела укрепить и направить всех в семье; поэтому пылкость отцовского характера дополнялась справедливостью и глубиной материнского, ровного и какого-то очень надежного и серьезного отношения к жизни.

Отец — сама доброта — всегда становился организатором наших игр, нашего веселья. А мама, неукоснительно ровная и неутомимая, направляла наш труд, смотрела за нашим рукоделием, проверяла наши знания... При жизни отца она казалась словно бы не очень заметной. Но это была «незаметность» кажущаяся: под ней скрывалась большая нравственная глубина. Отец же, красивый и внешне и внутренне, своей одаренностью, яркой незаурядностью привлекал к себе сердца людей, причем самых разных... Однажды на перевале он встретил Горького и Пешкову, путешествующих по Кавказу. После этой встречи папа часто рассказывал нам, с каким интересом узнавал у него Горький

отдыхе в Подмосковье (Царицынский пруд), 1911 год.

Семья Маяковских и их друзья летом 1904 года в Кутаиси: Володя Маяковский, Инна Павловна Суворова, Людмила Маяковская, Анна Константиновна (сестра отца), Александра Алексеевна Маяковская и ее племянник Костя Агачев; лесничий в Кутаиси Сергей Михайлович Суворов; Владимир Константинович Маяковский и младшая сестра поэта Ольга Маяковская.

о работе лесничего. А как раз в то время отец увлекался прививкой диких плодовых деревьев, мечтал создать сказочно богатый лес, который радовал бы сердца людей и давал им изобилие плодов...

— Получилось у него то, что он задумал?

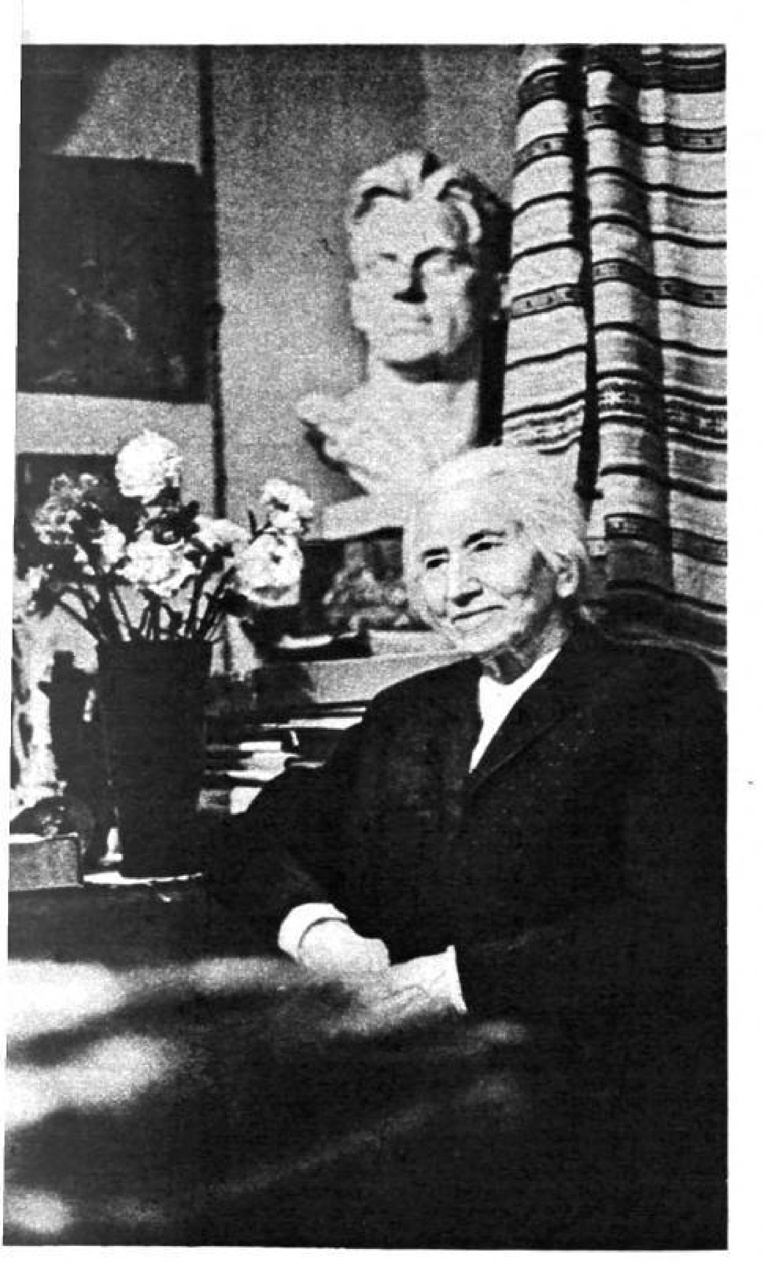
— Нет... Вскоре отец умер... Мы остались одни с матерью. И, пожалуй, только после этой тяжелой утраты мы смогли полностью понять и оценить маму: всегдашняя внутренняя мамина сила стала гораздо более заметной. Все заботы о семье, о нашем дальнейшем воспитании она взяла на себя... Мы видели, что с нашей общей семейной бедой мама справляется молча, со свойственным ей терпением, но во всем поступает, как всегда, твердо и решительно... Колея жизни для нас осталась прежней, неизменной.

Отец всегда говорил нам: выбирайте свой жизненный путь так, чтобы после не раскаиваться! И мама тоже подтверждала это. Подтверждала без лишних слов, а всем примером своей жизни, неизменной верностью выработанных ею принципов и взглядов... В этом отношении Володя удивительно был похож на маму. Он ведь был таким же сдержанным, неразговорчивым, как она; не умел и не любил вслух высказывать свои чувства. Всегда я угадывала в нем ту самую атмосферу, тот «настрой», который царил у нас в доме, где так много времени уделялось труду и серьезной мысли, а вовсе не тому, что являлось только лишь «занятным», только «забавным»...

Мы, как и наши родители, стремились к тому большому и важному, что было н у ж н о для жизни. А это большое узнавалось не «наугад», а по целям, по замыслам, по тем конкретным задачам, которые наши родители ставили перед каждым из нас, начиная с самого раннего детства.

Нас никогда не наказывали, но незаметно приучали быть энергичными и требовательными к себе. И мы старались понимать серьезность своих поступков, отвечать за них. И тут уж наш неизменно ласковый отец как бы уступал «пальму первенства» маме, ее всегда твердым решениям.

В отличие от отца, всегда искавшего путей к

Л. В. Маяковская. Июль 1970 года.
Фото Л. Шерстенникова.

нашему сердцу, мама обычно взывала к рассудку. Часто, бывало, мы, сделав что-нибудь хорошее, нетерпеливо ждем от мамы похвалы; а она выслушает тебя, серьезно посмотрит и скажет: если ты сама знаешь, что сделала хорошо, зачем ждешь, чтоб тебя хвалили,— так и быть должно! А если ты видишь, что сделала плохо,— возьми и переделай.

— Вас не обижало это?

— Мы не умели обижаться на родителей: их авторитет был для нас огромен и нерушим. В семье отец был как бы нашей душой, а мама — разумом. Нам же, детям, нужно было и то и другое. Впрочем, меня, как старшую, вообще воспитывали гораздо требовательнее и строже, чем Володю и Олю. А уж потом я и сама стала чувствовать себя в семье взрослой и старалась помогать отцу, а потом и маме растить и развивать наших «младшеньких».

...Пересмотрев еще несколько фотографий из неубывающих будто связок, Людмила Владимировна говорит:

— Мы очень рано стали взрослеть душой и чувствами, размышлять о жизни. Особенно я и Володя. И опять-таки я думаю, что не могло быть иначе при нашем воспитании. Мы горячо верили в добро и так же страстно ненавидели зло. Мне кажется, мы прямо-таки с детства росли для участия в борьбе, для испытания большими человеческими страстями, для чистых, цельных и верных чувств... Больше всего нас привлекали в людях благородство и красота; но ведь встречавшиеся нам люди далеко не все были такими... Жизнь, реальность оказывались куда сложней и труднее, чем мы себе представляли это в своем детстве в своем Багдади... И я уверена, что тут, в этом несовпадении, конечно, и кроется отчасти причина трагической Володиной гибели... Он всегда шел к людям с открытым, большим и светлым своим сердцем, веря, что ему все ответят тем же... Но так у него не получилось. И иногда я даже думаю: хорошо, что нашему отцу не пришлось узнать о том, какой была мучительной, как тяжко сложилась личная жизнь Володи... А мама, до самого конца своего видевшая, как страдает Володя, как ему трудно и больно, старалась все же, как ни было ей самой тяжело за него, ни о чем не спрашивать сына. Она вообще была очень тактична, мудра и при всей своей внимательности к нам никогда не вмешивалась в наши увлечения. Ни о чем она не расспрашивала нас, вполне доверяя нашей интуиции, нашему разуму... И только когда Володя писал «Про это», мама однажды с ужасом его спросила: «Боже мой, Володя, что же это делается? Что с тобой происходит?» Но, как мама и думала, брат ласково, но твердо ответил ей: «Мамочка, милая, никогда не будем больше об этом говорить»...

Страдала и волновалась тогда не только мама. Страдали глубоко за брата и я и Оля. Мы все видели, что большая душа Владимира Маяковского не может принять предлагаемого ему мелкого, обывательского размена чувств. Но помочь ему мы, конечно, ничем не могли...

...Прерывая затянувшееся молчание, Юлия Ипполитовна бережно обращается к Людмиле Владимировне:

— Вы говорили об истоках романтизма. Ну, а истоки социализма? Истоки революционности?..

— Они там же,— без малейшего промедления, не задумываясь, как о давно решенном, отвечает Людмила Владимировна.— Они тоже в нашей юности, в нашем детстве...

Революционный образ мысли, идеи демократии и социализма, можно сказать, издавна определяли всю жизнь семьи Маяковских. Дети были, так же как их родители, антимонархистами и демократами. Вместе со взрослыми часто пели революционные студенческие песни. Слова: «Мы старый мир разрушим» — пронизывали все их отношение к тогдашним, отжившим порядкам.

— Родителям была присуща редкая для того времени широта взглядов на мир, а в их отношениях к людям уже тогда виден был интернационализм, хотя суть этого слова, конечно, не была еще нам так близка и понятна, как в нынешние дни,—продолжает Маяковская.

Я уже говорила, что благодаря блестящему знанию грузинского разговорного языка отца нашего в Грузии считали грузином. Но ведь и там, где папа начинал свою трудовую жизнь, свою работу лесничего,— в Армении,— там тоже все, кому приходилось встречаться с Маяковскими, думали, что Владимир Константинович — армянин... А он еще знал — так же хорошо — татарский язык!.. Вообще у него, наверное, были редкие способности к языкам, к лингвистике: он свободно читал по-латыни, немного знал французский... Всю жизнь он неустанно работал над собой, стремился совершенствоваться как мыслящая, свободная личность, все время расширял и углублял свое образование, никогда не кичась своими знаниями. Отец очень любил поэзию и понимал в ней толк, больше же всего ценил Салтыкова-Щедрина в русской литературе — именно за сатирическое направление мысли. А мама увлекалась Тургеневым, Чеховым, Пушкиным... Бывало, родители начинали интересно спорить о своих литературных вкусах, и отец всегда умел доказать маме свою правоту... За острую мысль и скрытую иронию отец обожал еще и Крылова. У нас, детей, не было, наверное, ни одного серьезного разговора с отцом, который обошелся бы без ссылки на крыловские басни...

Отец и мать оба верили в будущее торжество демократии и социализма в России. Нараставшее напряжение в стране накануне первой русской революции хоть и глухо, но доносилось до семьи Маяковских.

В 1902 году,— вспоминает Людмила Владимировна,— я закончила пансион, а в 1904-м уехала жить и работать в Москву... «Старшая сестра,— говорил обо мне своим друзьям и писал Володя,— дышит революцией»... Но ведь и он сам и Оля тоже жили и дышали революцией! Можно сказать, революция была у нас у всех в крови, в сердце и в душе... И всю жизнь, с тех самых пор, мы, семья Маяковских, шли по жизни в одних рядах с большевиками. Мы знали, что Революция призвала и мобилизовала нас. Служение идеям Революции навсегда стало нашим первейшим жизненным долгом.

...Удивительная женщина. Скромная, сдержанная, но в глубине своей натуры, не сломленной жизнью и годами, все еще воительница...

Совсем не воспринимается она «старухой». Да и самое слово это вообще не имеет отношения к ней, к ее облику, в котором прежде всего замечаешь напряженную, неостановимую, хоть и глубоко скрытую деятельность души, достоинство и целеустремленность... У нее уверенная осанка, гордо развернутые плечи, совсем молодой, ясный взгляд. Разговаривая с вами, она пристально, зорко смотрит прямо на вас своими блестящими темными глазами, то и дело меняющими выражение. И разве только неспешные, несколько замедленные движения, негромкий голос да белая, как снег, голова заставляют догадываться о немолодом возрасте этой женщины с таким добрым, нежным и строгим лицом, на редкость отчетливо повторяющим скульптурные, дышащие внутренней силой черты Владимира Маяковского...

Сразу видно, что тут дает себя знать не только кровное, «фамильное» родство, но еще и единство характера, личности.

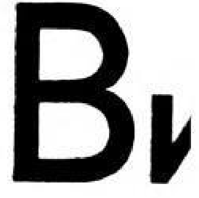
...Как же хорошо, что на Красной Пресне, недалеко от Трехгорки, где работала многие годы Людмила Владимировна, сохранилась ее обычная, скромная — такая же, как была при жизни Маяковского,— квартирка, в самом обычном скромном московском доме... Хорошо, что сюда можно позвонить и прийти, и побыть с Людмилой Владимировной среди книг, фотографий, вещей, хранящих в себе особую — не музейную, а живую, любовную и свежую — память о Маяковском, о его замечательной семье, об истоках неповторимого таланта...

26 июля—День работника торговли

Вот уже более года понятие «очередь» исключено из повседневного обихода Центрального универмага Винницы. Не только очереди; многое из мешающего хорошо торговать исключено. В залах нет прилавков — исчез всегдашний, привычный и, казалось, обязательный барьер. Нет даже продавцов. Вообще-то они, конечно, есть, но в качественно иной, более привлекательной роли — консультантов. Изменения эти не пришли сами собой. Они следствие перехода крупнейшего универсального магазина города на самообслуживание.

К. БАРЫКИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото К. КАСПИЕВА.

За это время нововведения принесли более чем пятнадцатипроцентную прибавку в годовом товарообороте. За считанные месяцы в Центральном универмаге Винницы побывало более 350 делегаций. Приезжают посмотреть, как такое удалось. Я встретил тут пермяков, киевлян, одесситов, ереванцев... Едут сторонники и скептики: свериться с собственными представлениями о новых формах торговли, убедиться — не разговоры ли это? Убеждаются: крепко поставленное дело! Разговорился с директором одной из клайпедских торговых фирм:

— У винничан многому можно поучиться...

Чему же? Определил бы, если не забираться в глубины торговой технологии, так — смелости. Решимости, с которой они начали большой эксперимент и вот уже более года ведут его — не во всем, может, гладко; но в главном — очень успешно ведут. Впрочем, почему я говорю: эксперимент? Год — это уже не эксперимент, а утвердившаяся практика. ЦК КП Украины и Совет Министров УССР приняли постановление «О дальнейшем

развитии самообслуживания в торговле Украинской ССР». В постановлении учитывается и опыт винничан. Так что эксперимент становится в чем-то и эталоном для многих торговых коллективов страны. Мы привыкли несколько снисходительно относиться к торговле — сложное ли дело?.. А ведь большой магазин чем-то сродни крупной фабрике, тут не меньше организаторских обязанностей, не меньше, а часто больше повседневных хлопот.

В торговле вообще много проблем. Прежде всего не хватает магазинов. А те, что открыты и работают, как правило, испытывают недостаток в продавцах. И чем быстрее растет «магазинный парк», тем заметнее становится разрыв. Возник он не сейчас и не только потому, что выпуски торговых школ и техникумов не успевают за строителями магазинов. Идет он и оттого еще, что велика в магазинах текучесть. Почти любое дело изменено ритмом времени; продавца же этот ритм коснулся менее всего.

В винницком универмаге такого нет.

Сейчас нет. Год назад было.

Ныне продавец стал работать так — условия тому способствуют,— что многие покупатели характеризуют эту работу: красиво! А кому же не хочется работать красиво? В универмаге продавец вышел из-за прилавка в торговый зал, который тоже преобразился неузнаваемо.

— Удобно ли? — интересуюсь у покупательницы, работницы Винницкого электротехнического завода.

— Еще бы, все под рукой, выбрать легко и быстро.

Двадцать тысяч наименований товаров — и все на виду...

Мы говорим: талантливый металлург, талантливый актер. Но не так уж часто такая аттестация сопутствует продавцу. Пусть не продавцу. Скажем, директору. Михаилу Михайловичу Малышенко, руководителю этого магазина, подобный эпитет подошел бы весьма. Все в винницком универмаге добротно подогнано, четко настроено, все сейчас идет слаженно. И во всем есть доля труда директора...

И еще одно обстоятельство: все новое в торговле серьезно, обстоятельно поддерживают обком и горком партии, областное управление торговли. Винничане стали первыми в таком большом деле, как переход на новую для крупных универсальных магазинов форму торговли — самообслуживание. Термин этот ныне распространен, мы привыкли к нему и иногда вкладываем в это слово смысл несколько упрощенный. Подлинное самообслуживание наступает лишь тогда, когда покупатель — хозяин в магазине. Самообслуживание предполагает формулу «обслуживаюсь сам» плюс ненавязчивое внимание продавца, который, повторяю, скорее консультант; так он и называется теперь в Виннице.

Еще немного о продавцах, о том, что им принесла работа по-новому. Выросла зарплата — само по себе немаловажно. Новое дело подняло роль продавца. И результат — в других винницких магазинах недобор штата, в универмаге конкурс желающих работать.

Я провел несложный подсчет. Ежедневно в универмаге бывает 35—40 тысяч человек. Каждый второй — покупатель. Прежде любой из них затрачивал на покупку 15—18 минут. Теперь — 1—3 минуты.

Осталось простейшее арифметическое действие, в результате которого получим тысячи часов,— их работники универмага экономят винничанам.

Только из-за этого следовало переводить универмаг на новую форму торговли. В те же несколько дней, что я провел в винницком ЦУМе, ни разу не видел очереди. Если есть охота побродить по магазину, посмотреть, посоветоваться — пожалуйста. И вы мало кому помешаете, и вам — тоже. В магазине учли покупательскую психологию и в разных секциях, близ стендов с основными товарами и поодаль, поставили небольшие, довольно красивые корзины и коробки; какой только мелочи в них нет! Подходи, копайся, выбирай. Приглянулось — пожалуйста. Ушел без покупки,— все равно «спасибо». Впрочем, редко кто уходит без покупки. Не потому, что товаров через край — увы,— пока их не так уж и много. Но самообслуживание позволяет в очень выигрышном свете представить весь имеющийся ассортимент.

Добрым своим начинанием винницкий универмаг опередил многие крупные магазины страны — знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС тому подтверждение. Без того, что уже сделали в Виннице, что сейчас делают в Москве, Ленинграде, Ярославле и других городах—и в селах тоже!—без изменения в организации торговли, резкого улучшения ее быть не может. Никакие частные реформы, никакая еще совсем недавно модная узкая специализация и подобные ей новации не принесут нужных, продиктованных временем качественных изменений. Тех изменений, что очень хороши для покупателя, да и продавца привлекают.

Сейчас на самообслуживание переходят некоторые универсальные промтоварные магазины Москвы и Ленинграда — тут эту проблему решают широко, с размахом. Ведут переоборудование и строительство новых магазинов в Рязани, Ярославле, Кирове, в других городах РСФСР. То, что уже сделали винничане, доступно всем. Это весьма точно отметили в Министерстве торговли СССР, где подчеркнули, что вся реорганизация проведена работниками магазина без каких-либо привилегий. Они находились и находятся точно в таком же положении, как и все другие магазины. Но они инициативнее. И, пожалуй, талантливее. Вот в чем суть...

Диана Боложук (справа) и Аня Войтанович — продавцы-консультанты винницкого ЦУМа.

В торговом зале.

ННИЦКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Наши участники ралли.

ТРАССА

— З. ХИРЕН

Фото Ю. ЧЕРНЯТИНА.

Жаркий июньский полдень. С высокого моста Волгоградского проспекта видны красные, белые, светло-голубые крыши сотен автомобилей. Это «Москвичи-412». Для корреспондентов «Огонька» это еще и продолжение репортажа, который делали мы здесь же, в лютые морозные предновогодние дни, когда с большого конвейера сошел первый из этих автомобилей. На смотровом стекле его значился номер 000001. Он-то, номер этот, и привел нас тогда, накануне 1970 года, на завод. И полугода не прошло, а с конвейера сбежали тысячи автомобилей новой модели. Это во многом принципиально новый автомобиль. Теперь уже известно, что пять таких машин обогнули два континента, прошли 25 стран, свыше 26 тысяч километров, участвовали в самом большом марафоне мира. В Москву вернулись все участники Всемирного ралли, большей частью заводские ребята — с ними мы знакомы еще с зимы, когда они вместе с нами стояли у большого конвейера автомобильного завода имени Ленинского комсомола и с нетерпением ждали машины № 000001.

Позади азарт соревнования, сотни газетных сообщений о том, кто набрал больше очков, кто со славой достиг финиша, а кто прервал бег где-то на середине. Наступило время спокойно, вдумчиво осмыслить все, что произошло в эти тридцать девять суток, осмыслить все увиденное, все, что заставило напряженно работать не только зрение, мышцы, но и мозг, взглянуть новыми глазами на тысячи встреч, бесед, имевших место в 25 государствах. И тут уж блокнотами вооружаются не репортеры, а рабочие, инженеры, конструкторы, создатели автомобиля.

На заводе мы застали участников ралли за обычной для них работой, все пресс-конференции остались позади. Виктор Щавелев во время марафона был штурманом, а сейчас он склонился над чертежами спортивного автомобиля, который конструирует. И можно не сомневаться в том, что немало наблюдений, сделанных этим молодым инженером-конструктором на пути от Лондона до Мехико, найдет отражение в этой его конструкции. Рядом со старейшим водителем-испытателем Сергеем Ивановичем Бубновым увидели мы сына его Владимира Бубнова, участника ралли, на долю которого, к слову сказать, выпало немало волнующих моментов, связанных со спасением не только своих соратников, но и соперников, попавших в беду на гигантской трассе.

Следовало бы, наверное, начать с того, что каждый из участников, прибыв в Лондон, перед тем, как получить право сесть за руль, должен был подписать декларацию. Мы не будем здесь приводить весь ее текст. Сообщим лишь две-три строчки, но и они дают представление о многом: «Обязуюсь не предъявлять претензий, исков, требований в случае моей смерти или увечья, которые могут случиться вследствие моего участия в ралли...» И там же, в Лондоне, та же девушка, выдававшая эти мрачные декларации, уведомляла, что даже лучшие карты не всегда точны и организаторы не советуют полностью полагаться на них. Если бы только карты!.. «Страшная тряска, неровная дорога», «Летят осколки горной породы, непрерывные удары, и каждый удар, как звон похоронного колокола», «Дорога, политая нашей кровью», «Десятки разбитых автомобилей у обочин»... Это все свидетельства мастеров марафона, знаменитых автогонщиков. Обозреватели западных газет сообщали, что тотализаторы принимали ставки не только на лидеров и возможных победителей, но и на то, сколько еще автомобилей и какие именно экипажи сойдут с трассы. Иные газеты, комментируя драматичность ралли, писали, что победителей не будет, а будут одни побежденные.

Конечно, после всего этого нам очень приятно было увидеть четырнадцать человек — число наших гонщиков — со спокойными, веселыми глазами. Кто они, эти четырнадцать? Мы решили составить маленькую табличку. Вот она: профессиональных водителей — семеро; инженеров — шестеро; механиков — один. Мы поинтересовались, где они работают. В отличие от западных стран среди наших четырнадцати участников ралли ни одного гонщика-профессионала. У каждого своя профессия, свое место работы... Трое — таксисты, семеро — инженеры и испытатели автомобильного завода имени Ленинского комсомола, двое трудятся в Научно-исследовательском институте автомобильной промышленности, один — в Министерстве внешней торговли, один, самый молодой, учится, но уже работает на радиозаводе инженером-технологом. Поинтересовались и возрастом: от 26 до 35 лет — восемь человек; от 35 до 40 — четверо; от 40 до 45 — двое. И еще одна любопытная деталь нашего «социологического исследования»: для большинства из четырнадцати автомобильная профессия стала потомственной и семейной.

Мы взяли интервью у некоторых участников ралли. Первое слово — таллинскому таксисту, самому спокойному из нашего отряда гонщиков,

Гунару ХОЛЬМУ:

— В самом начале ралли было шумно, даже слишком шумно, особенно в Европе. Ревели моторы, машины шли навстречу машинам. Одни преграждали дорогу другим, обгоняли. На границах государств мы с нетерпением ждали, пока пограничники проверят документы, поставят свои штампики на наших паспортах. Но вот про Южную Америку подобного не скажешь. Бывало, часами двигались в полнейшем одиночестве. Интервалы образовались большие, и если бы человек глянул на нас со стороны, он бы, наверное, и подумать не мог, что это участники Всемирного ралли. Между тем именно в эти часы мысль работала наиболее напряженно. Мы стремились к финишу. Каждый старался приложить и все свои знания, и все свои силы, и весь свой опыт.

Не раз бывало и так. До финиша остается километров пятьдесят, не больше. Каждая минута опоздания — это штрафное очко. А тут вдруг обнаруживается, что кто-то из твоих конкурентов свалился в пропасть. Что же, проехать мимо, подсчитывая в уме оставшиеся до финиша минуты, или же остановиться, забыть о штрафных очках и кинуться спасать человека? И мы принимали одно единственно возможное тут решение — спасать людей. Осыпался под ногами песок, было скользко, тяжко, цеплялись за каждый сантиметр земли, а человека вытаскивали. И не успокоишься, пока не раздобудешь карету «Скорой помощи». В разгар Всемирного марафона довольно часто можно было видеть наших ребят в таком вот «пешем» состоянии. Если принято считать, что спорт должен давать высшее и физическое и моральное удовлетворение, то именно его мы и получали в такие минуты, когда спасали людей.

Леонтий ПОТАПЧИК:

— Гунар, из твоего рассказа может сложиться впечатление, что все мы на трассе только тем и занимались, что спасали других. Но ведь все мы эти тридцать девять суток еще кое-чем занимались, не правда ли, Гунар?! Да, мы охотно помогали своим соперникам, когда они попадали в беду. Но это не значит, что наши ребята не были охвачены жарким спортивным азартом. Вспомни хотя бы те немощеные дороги, которые мы с тобой прошли. Немощеные, значит, пыльные, а на них труднее всего производить обгоны. Представляете, чтобы обогнать, нужно приблизиться к машине, а пыль не позволяет ее увидеть. И требуется смелость, мастерство, расчет, чтобы в какую-то долю секунды в разрыве облака заметить поворот дороги, обрыв и в мгновение на все отреагировать, двигаясь дальше и дальше. Впереди идущий автомобиль тоже не снижает скорости. Напряжение колоссальное. Ни одной секунды терять нельзя. Прибавьте ко всему этому ночное время, когда в свете фар еще труднее ориентироваться на дороге. Такая гонка продолжалась иногда часами.

Корреспонденты часто спрашивали нас: «Как вы себя чувствовали в пути?» Мы, конечно, отвечали: «Все в порядке!» Не станешь же говорить о мокрых спинах, об уставших от громадного напряжения глазах. Десять — двенадцать часов за рулем. И при этом тысячи поворотов на большой скорости, с юзом, с заносом, не снижая быстроты и четкости переключения передач.

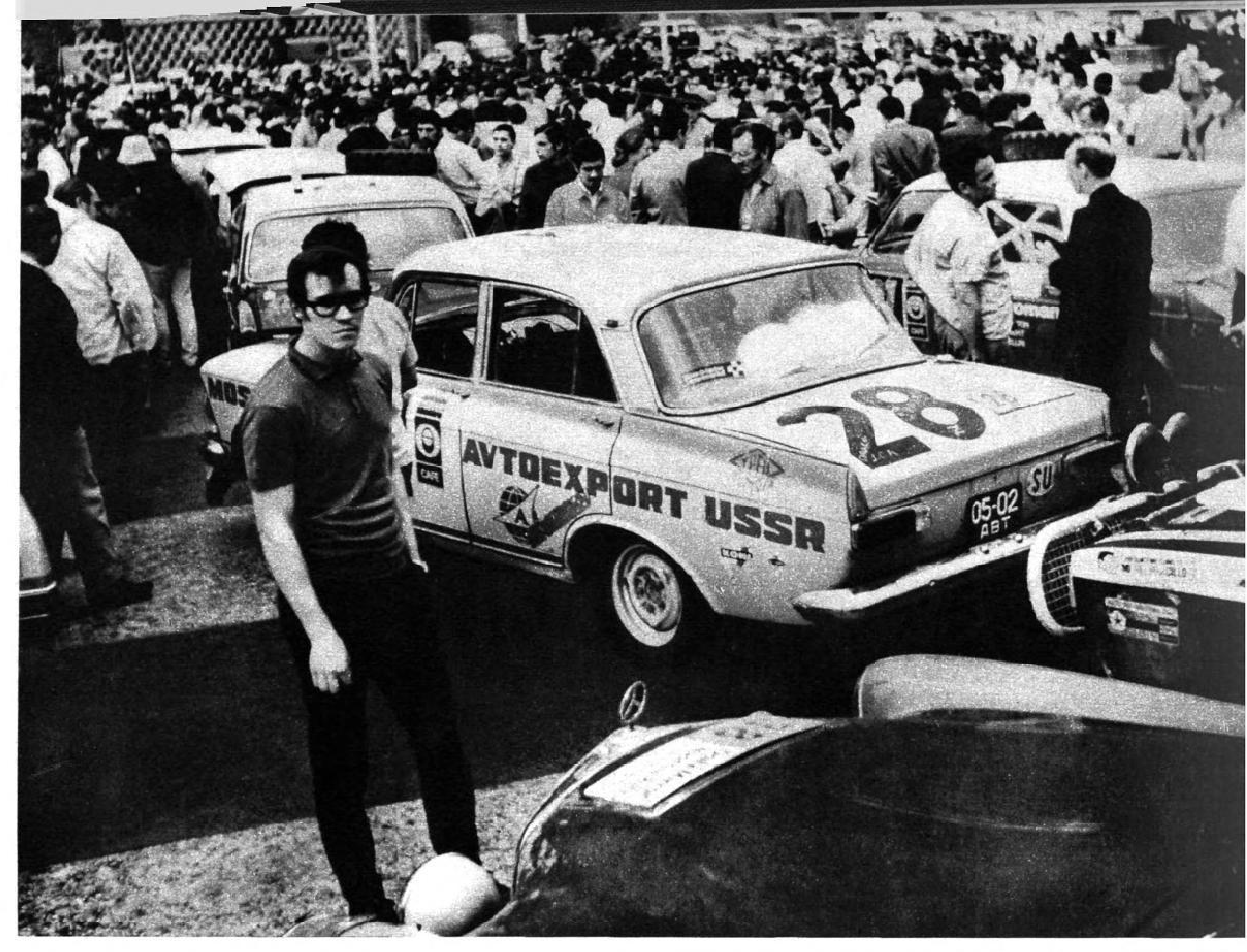
Сейчас, когда мы вернулись домой, нам нашлось о чем подумать. Я вспоминаю наши беседы с прославленными финскими гонщиками — Микколой и Мяккиненом. Почему именно они оказались гонщиками крупнейших американских и английских автомобильных фирм? Именно им громадные просторы двух континентов покорились охотнее, чем представителям других государств. Финны рассказали нам, что у себя дома они старались как можно больше тренироваться на сложных и трудных дорогах — имелись в виду всякие серпантины, опасные повороты и т. д. Кроме того, сказали они, каждый гонщик должен очень много ездить. Вступивший в наш разговор поляк Засада заметил: непрерывная, длительная, постоянная тренировка — вот что лежит в основе выносливости. В условиях соревнования Засада мог просидеть за рулем 38—40 часов подряд.

Вот я и думаю, надо нам извлекать уроки, прислушаться к голосу своих коллег по ралли.

Карл СОЧНОВ:

— Я руководил нашей командой, и вы, возможно, удивитесь, услышав после этого эмоционального монолога Потапчика мое замечание: от автогонщика требуется еще и рассудительность. Да, обычно о людях этой профессии говорят, что они должны быть смелыми, решительными, выносливыми. А я хочу добавить: и рассудительными. Вот один пример. Вначале трасса была отличная: асфальт, порядок, сервис. Время прибытия на контрольные пункты строго обусловили, все учли, торопливости не требовалось. Между тем нашлись, в том числе и в нашей команде, товарищи, которым мы в своей среде шутя говорим: «Не делай стойки на ушах — охлади пыл». Вот они-то, решив с самого начала нажимать, как говорят, «на всю железку», вопреки здравому смыслу, гнали, чтобы прибыть на контрольный пункт за три часа до срока. Прибывали. Ну и что же? Глянешь на такого — задыхается, устал, тяжело дышит. А ему вежливо говорят: «Теперь ждите, пока остальные прибудут, тогда и дадут очередной старт». Представляете себе, что происходит на душе такого «рекордсмена»?! Ну ладно. Один раз ошибся, другой раз, но с некоторыми это происходило непрерывно. Их девиз — жми, жми! Когда же мы оказались на трудных трассах, когда буквально надо было подниматься под облака, по разбитым дорогам, по балконам, повисшим у самых вершин гор, «рекордсмены» уже не были в силах проявить те качества, о которых вам говорил Потапчик. Да и автомобили таких гонщиков утрачивали спортивную форму. И тут-то на их головы валились сотни штрафных очков.

Уж коли речь зашла о Потапчике, я бы хотел о нем сказать несколько слов. Известно, например, что он один из немногих привел свою машину в Мехико в полной исправности. Это, знаете, дело нешуточное. Я Потапчика считаю наиболее ярким и талант-

«Москвичи» в Мехико.

ОДНА ДЛЯ ВСЕХ

ливым гонщиком. Он не только привел свой «Москвич» к финишу в исправности, но и занял хорошее место в соревновании. У этого водителя, кроме острого чувства автомобиля, очень сильно развита реакция. Он о себе ничего вам не сказал, а он-то как раз и обладает прекрасным качеством — молниеносная реакция на все молниеносно возникающие в пути ситуации. Иной раз, казалось, катастрофа неминуема, а Потапчик уже давно миновал опасный кусок дороги, а заодно еще дюжину не менее драматических. О таких говорят, что они чувствуют автомобиль и чувствуют все мельчайшие в нем изменения. Некоторым кажется, что Потапчик слишком медлителен, даже осторожен. А на финише убеждаешься, что он занимает по сравнению с другими самое лучшее из возможных мест.

Я видел, вы беседовали с Сергеем Тенишевым. Он, вероятно, рассказывал вам о мисс Марафон, об автомобильной гонщице Роз Мари Смит — он всем рассказывает о ней. Она вышла победительницей среди женских команд. Прекрасная гонщица! Но Тенишев обратил внимание на такое обстоятельство: в то время, как гонщики на контрольных пунктах вылезали из своих автомобилей черные, как черти, Роз Мари Смит всегда появлялась в белоснежном костюме, чистенькая, подтянутая, будто она и не участвовала в гонках, а только что вышла из дому прогуляться. Дело в том, что мисс Марафон, как выяснилось, кроме того, знаменитая манекенщица. Фирма, в которой она работает, обеспечила ее на протяжении всех 26 тысяч километров наимоднейшими костюмами и платьями, которые ждали ее в специальных коробках на всех предусмотренных по расписанию пунктах. Это была реклама фирмы.

Но о Тенишеве я завел разговор совсем по другому поводу. Он обладает острой наблюдательностью. Это качество в нем развито в высшей степени. А для гонщика оно очень ценно. В мире, наверное, нет такой марки автомобиля, за рулем которого не сидел бы Тенишев. Он побывал и в Азии, и в Африке, и в Австралии, и в Европе. А на сей раз — в Южной Америке. И все время на гонках, ралли. Спокойствие, наблюдательность, рассудительность сочетаются у него со смелым риском. Тенишев довольно часто рискует, но всегда с умом.

Советские участники ралли — люди очень разные. Я называл вам наиболее опытных. А есть у нас 26-летний Каститис Гирдаускас. Мы часто называем его просто Костя, а еще чаще — «ежик». Он не обижается и охотно откликается. Можно подумать, что «ежиком» прозвали его за колючий характер. Ничуть нет. Еще называют его «автомобильным вундеркиндом». Впервые он сел за руль, когда ему едва исполнилось семь. Была у них в семье старенькая «Победа». Отец увлекался мотоспортом. С этого все и пошло. Костя и сейчас, уже работая инженером-технологом, считает своим единственным призванием в жизни автомобиль.

Каститис ГИРДАУСКАС:

— Опыт у меня маленький, но я многому научился за эти полтора месяца автомобильной гонки. И прежде всего — не бояться никаких самых опасных и сложных ситуаций. Если боишься, сиди дома. Был у нас день, который мы прозвали карнавальным. Меньше всего приходилось нам в тот день поглядывать на часы. Три раза спасали конкурентов. Превратились в своеобразную карету «Скорой помощи»! Чего врать, кое-кто из нашего экипажа нервничал: «Очки пропадают». «Ну и пусть пропадают»,— говорил наш командир Гунар Хольм. Мы-то хорошо знали, что если бы такие же вот, как мы, ребята не спасли нашего командира во время автогонок в Греции, не быть бы сейчас Гунару с нами вместе в автомобиле. Чуть было без рук и без ног не остался. А на помощь пришел его же соперник. Спас! И Гунар часто напоминал нам: «Мы не на войне. Это спорт. Если соперник попал в беду — прежде всего думай о том, как спасти его. А об очках в эти минуты не помышляй».

Нелегко было нам в тот день, три раза сходили с трассы, чтобы помочь людям. И хоть немало штрафных очков повалилось на наши головы, но мы сами не считали это время пропавшим. А что самое интересное — и к финишу поспели, в Мехико пришли.

Близкое

М. РЕЙТМАН,
капитан I ранга

РЯБИНОВАЯ ПРЯДЬ

Ты мне сказал,
что край наш плох,
Что нет у нас цветов.
А видел ты на скалах мох,
Где краски
всех цветов?

А видел ты
Кильдинский плес,
Озер немую гладь?
А в роще голубых берез
Рябиновую прядь?

Не слушал, видно, ты
прибой
В дремучем царстве скал,
И в тундре
летнею порой
Ты зори не встречал.

А ты сумей, южанин-друг,
Как я,
душой понять,
Что есть
в краю полярных вьюг
Рябиновая прядь.

БРЕЗЕНТ

Пусть дождь свирепствует подчас,
Пусть снег колюч и зол,—
Нас выручает всякий раз
Брезентовый чехол.

В часы полуденной поры,
Пусть солнце льет с небес,
Нас ограждает от жары
Брезентовый навес.

И на тугие кливера,
На корабельный тент
Идет испытывать ветра
Просоленный брезент.

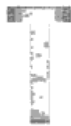
Пусть жестковатый он слегка,
Пусть сероват он чуть,—
Но все ж его, а не шелка
Берут в нелегкий путь.

Североморск.

Иван ЦАЦУЛИН

ОКЕАНСКАЯ ВАХТА

Удары колоколов громкого боя в шесть утра возвестили побудку. С нетерпением вышел я на палубу: хотелось посмотреть, что это за корабль, на который занесла меня журналистская судьба. Пронзительный холод поднимался от воды и пробирал насквозь. Ракетный крейсер «Адмирал Фокин», изящный и стройный, стремительных линий. Красавец! В нескольких шагах — его близнец, гвардейский ракетный крейсер «Варяг», а поблизости — другие...

Ракетоносный флот—качественно нечто абсолютно новое в наших вооруженных силах. Задачи ракетоносных крейсеров — наносить удары по боевым кораблям противника. Чем же для выполнения такой боевой задачи располагает «Адмирал Фокин»? Основное оружие крейсера — установки для запуска боевых ракет. Крейсер может произвести выстрел одной ракетой, дать залп сразу несколькими ракетами. Сила такого удара ужасающая! Дальность стрельбы ракетами на сотни и сотни миль. Кроме того, корабль имеет и обыкновенные артиллерийские орудия, которые могут вести огонь как по надводным, так и по воздушным целям. «Адмирал Фокин» — крейсер быстроходный, мореходность его практически неограниченна, а имеющееся на нем оружие можно использовать при любом волнении моря — так уж он устроен...

Меня интересовала техническая оснащенность корабля и его люди. В то же, первое, утро я отправился в нелегкое — в основном «по вертикали, трaповое» путешествие по стальным джунглям ракетного крейсера. Я не преувеличиваю: ведь отсеков и боевых постов на нем более четырехсот. Встречался со многими моряками — передо мной неизменно были юноши со средним образованием, комсомольцы, не только отлично знающие свое военное дело, но и умеющие четко и точно дать разъяснения по любому вопросу, с которым я к ним обращался. Конечно же, меня тянуло главным образом «к тем, кто нажимает на кнопку», к ракетчикам боевой части-2. Есть на корабле разные службы, нужные и важные, но БЧ-2, боевая часть-2 — та самая, для которой и построен этот крейсер. Ракеты и артиллерия—это и есть БЧ-2. Командир БЧ-2 не только ракетчик-практик, отлично знающий свое дело, но и теоретически мыслящий, ищущий военный специалист, автор ряда статей в военных журналах. Круг его интересов и знаний необычайно широк, он с одинаковой легкостью и осведомленностью может вести беседу о литературе, искусстве, международном положении. Есть у него правая рука — старший лейтенант Петр Темнов. Тот тоже моряк с высшим инженерным образованием. Ему двадцать пять, комсомолец.

Александр Микитевич командует подразделением. Высшее военно-морское училище окончил недавно, весной 1968 года, однако успел проявить себя с самой лучшей стороны. Изучая материалы итогов социалистического соревнования на корабле во время плавания крейсера в океане, я то и дело читал: «первое место заняло подразделение лейтенанта Микитевича». Он заместитель секретаря комсомольской организации крейсера. В соревновании на флоте в честь 50-летия Ленинского комсомола первое место заняла комсомольская организация «Адмирала Фокина», и именно Микитевич на собрании личного состава корабля в присутствии командующего Краснознаменным Тихоокеанским флотом адмирала Н. И. Смирнова и члена Военного Совета флота адмирала М. Н. Захарова принял из рук первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова памятное знамя.

На посту обеспечения артиллерийской стрельбы меня встретили старшина Кравчук—украинец, матросы Загорский и Кащеев — русские, Гасанов — азербайджанец из Баку... Они гордятся своей боевой техникой.

Утром колокола громкого боя возвестили о большом сборе команды на юте — будет проведен инструктаж перед походом. А еще через час снимаемся с якоря. Чувствуется у моряков особая, сдержанная приподнятость, и это понятно: предстоит серьезный экзамен. Осторожно отходим от пирса... Бухту обрамляет таежный багрянец сопок. Сегодня штиль. По правому борту мохнатые острова с заливами, проливами... Вот неподалеку вдруг всплыла подводная лодка.

Море безмолвно и пустынно. Вода из зеленой постепенно делается синей, а когда солнце поднялось к зениту, снова изменила свой цвет: море вокруг нас будто покрыли черным блестящим лаком, поверх которого там и сям могучие потоки солнечного света разлили кипящее серебро. Параллельным с нами курсом идут десятки косаток. Они не играют, как дельфины, а движутся наподобие торпед, точно по прямой...

...Приближается время ракетных стрельб. В ходовой рубке — вахтенный офицер. Командир корабля и командир БЧ-2 находятся на своих постах в боевой рубке, в недрах крейсера. Старший лейтенант Темнов, лейтенант Микитевич — на своих командных пунктах.

Море по-прежнему пустынно. Из боевой рубки поступает приказ, по которому крейсер разворачивается влево, освобождая себе сектор стрельбы — с правого борта. Занимаю заранее определенное для меня место у широкого иллюминатора... Вот ракетный «комплекс» неспешно, но ощутимо начал подниматься. Установка плавно разворачивается, на миг замирает и оказывается, что теперь от меня до нее всего несколько метров. Как завороженный смотрю на ту из труб, первую от меня, из которой вот сейчас будет произведен первый выстрел, и мысленно представляю сидящих за пультами наведения и управления Темнова и его матросов-операторов. А в боевой рубке, тоже у пульта запуска, застыл в напряженном внимании командир БЧ-2.

Серая массивная труба начинает мелко вздрагивать, колебаться вверх-вниз,— так и есть: ребята прицеливаются, чтобы попасть точно в незначительных размеров цель, к тому же находящуюся от нас за несколько сот морских миль. Вот он и настал, момент, к которому тщательно и кропотливо готовились матросы и офицеры «Адмирала Фокина»! Сейчас решается вопрос и о степени мастерства ракетчиков, и о боевых возможностях корабля, и некоторые другие... Вдруг раздался рев двигателей... Пламя с невероятной силой ударило за левый борт по океанской волне, море закипело, забурлило. Из глубокой забортной воронки мигом превратившаяся в кипяток морская вода взметнулась гейзером. Но мне не до гейзеров: вот ближайшая ко мне труба перестала дрожать, замерла у меня перед глазами, вот вверх откинулась закрывавшая ее жерло крышка... Ракета

Стреляет реактивная бомбовая установка.

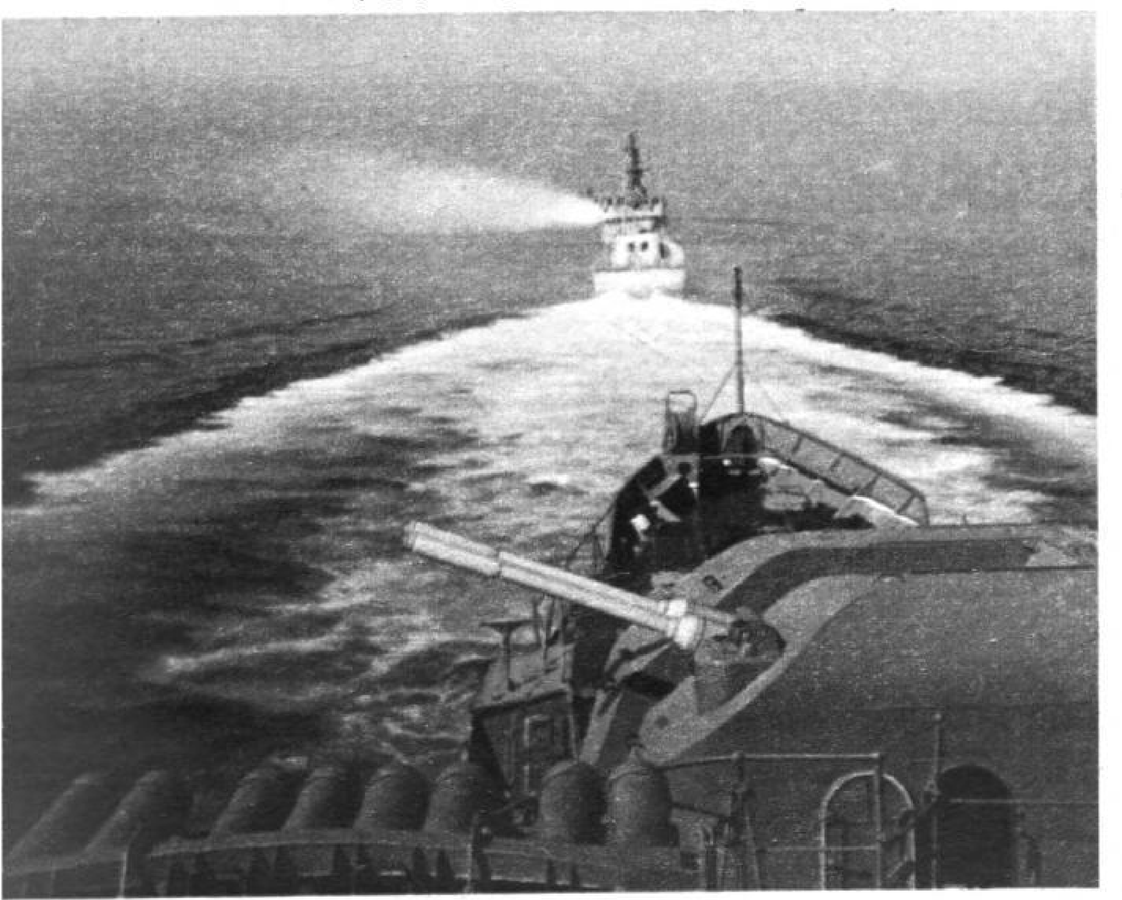
Ведут цель.

Стражи берегов.

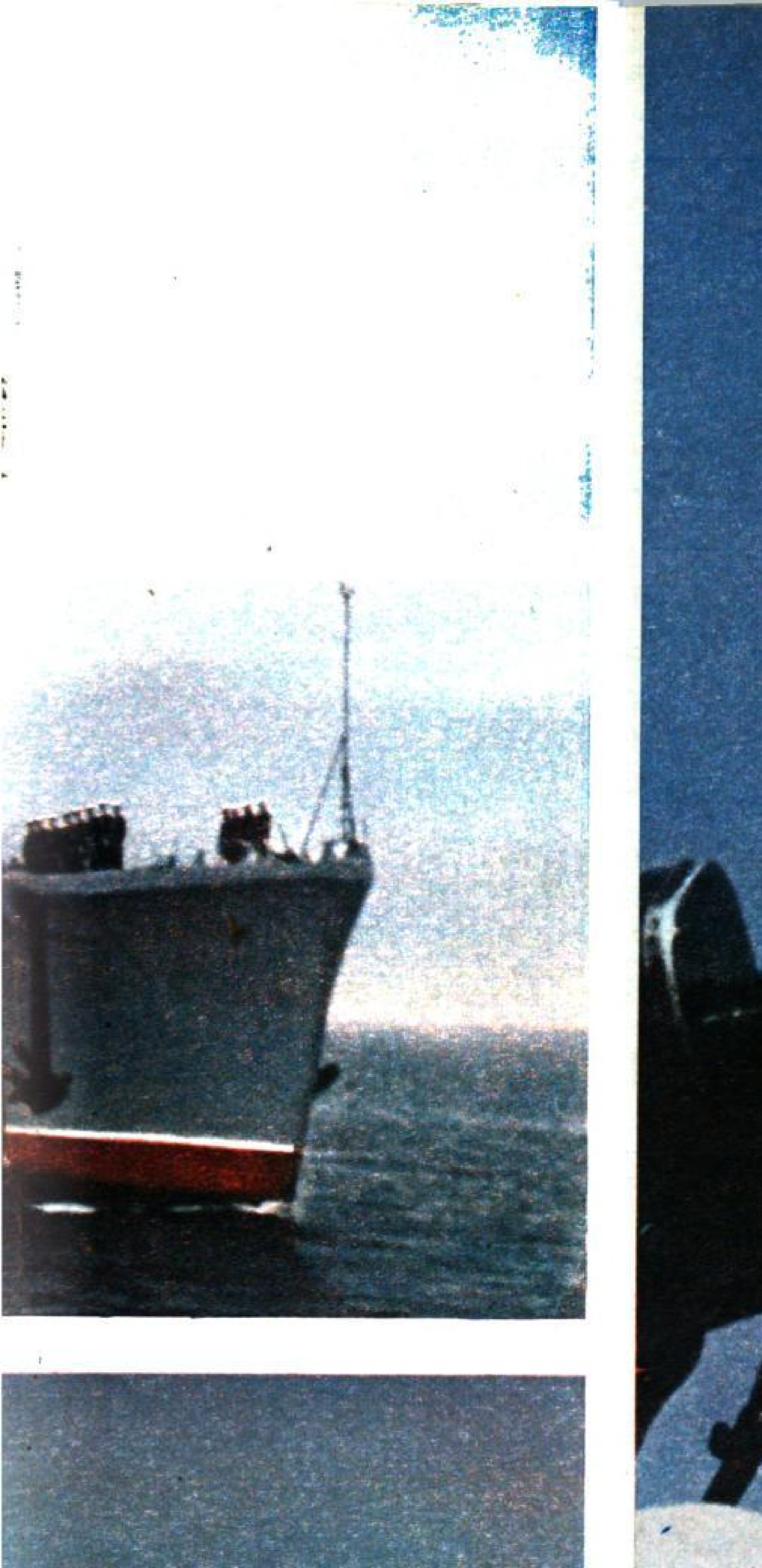
Фото Г. МАКАРОВА.

В родную базу с маневров «Океан».

В открытом море. Лодка «противника» не уйдет.

— Цель справа десять!

↑ У своих берегов.

↓ После долгой разлуки.

Николай ФЛЁРОВ

Стихи с маневров «Океан»

БАЛЛАДА ОБ ОКЕАНЕ

Вода кипела всеми баллами
На целине грядущих трасс,
Но шли матросы с адмиралами
Первопроходцами не раз.

Где земли были неоткрытыми
И непройденными — моря,
Над голубыми Антарктидами
Они бросали якоря.

Так через штормы своенравные
И сквозь обманчивый туман
В годины давние и славные
Россия
Вышла
В океан.

...Где неоглядные, просторные
Бегут валы во все концы,
Для нас уже дороги торные:
Там предки шли,
Там шли отцы.

Закрытых нету нам фарватеров,
И дело в том в конце концов,
Что наши деды были в прадедов,
А сыновья пошли в отцов.

Сердца балтийцев не забьются ли?
Ведь это наш выходит флот!
Родное имя Революции
Корабль в Атлантику несет.

И слава флота продолжается,
И ей простор огромный дан.
Не зря маневры называются
Безбрежным словом —
«Океан».

ОДНА МИНУТА

Когда «противник», цели выбрав,
Ускорил ход и шел на нас,
Матросы главного калибра
Определили: пробил час!

И надо было все проверить,
Все данные соединить,
Неизмеряемое смерить,
И несверяемое сверить,
И в точный залп орудий верить,—
И лишь тогда огонь открыть.

И словно это не творилось,
А где-то там внутри варилось
В огромном огненном ковше,
И вот открылось,
Вот взъярилось
И взвилось в пламени уже.

И по физическим законам,
Когда не властен и приказ,—
Стал наш «противник» обреченным,
Хотя еще и шел на нас.

Но курс какой ни поменял бы,
Он был зажат в кольце огня.
И снова прогремели залпы,
И снова дрогнула броня.

Промчалось эхо по просторам,
Как будто содрогнулся мир.
И только слово комендорам
— Спасибо! —
Молвил командир.
А старый мичман почему-то
Платочком вытирал усы...

Прошла всего одна минута,
А мне казалось,
Что часы.

А МЕНЯ ВСЕ КАЧАЕТ...

А меня все качает, качает, качает.
Точно ветер опять в океане крепчает,
И как будто летит прямо к мачтам каюта,
Только скрипа не слышу я почему-то.

А глаза приоткрою —
Так это ведь сосны.
А дотронусь рукою —
Так это ведь травы.
А от насыпи стук донесся колесный,
Перезвоны и звоны слышны из дубравы.

А меня все качает, качает, качает.
И наш крейсер от бурь оторваться не чает.
Вот и берег с двумя небольшими холмами,—
Мы стоим за Шетландскими островами.

А глаза приоткрою —
Так я на полянке,
На своей, подмосковной, от солнышка
жаркой,—
Никаких островов тут не видно Шетландских,
Два холма — это два бугорка над лужайкой.

А меня все качает, качает, качает.
Сутки, двое бурлит океана громада.
И никто уже качки той не замечает,
Будто так навсегда это,
Так это надо.

А глаза приоткрою —
Так мы у причала?
Или это уже океан укачало?
Нет, такое, пожалуй, не может присниться:
На ветвях, словно волны, колышутся птицы...

А меня все качает, качает, качает...

Северная Атлантика — Москва. 1970.

показалась из трубы будто нехотя, вся в разноцветном пламени, показалась не спеша, играя оранжевыми и фиолетовыми молниями, раскаленная, словно в мартене. Она лезла из жерла поперек иллюминатора, у которого я стоял. На какой-то миг жгучим пламенем, обыкновенным огнем, закрыла мне сектор обзора, но лишь на еле уловимое мгновение. И — исчезла! Мы бросились в дверь рубки, на открытый мостик — ракета мелькнула вдали светлой точкой и пропала. Я знал, сколько считанных минут ей предстояло лететь до цели, и опрометью бросился в боевую рубку... Командир корабля и командир БЧ-2 вели наблюдение за полетом ракеты с помощью специальных экранов, индикаторов. Все с нетерпением смотрят на часы — срок истек, каков же результат этого выстрела? Напряжение офицеров, находящихся в боевой рубке, чувствуется отчетливо: ждем сообщения о результатах стрельбы. Минуты тянутся бесконечно. Что-то там, как-то там?

Нам сообщили: установлено прямое попадание ракетой в цель. Вот теперь настроение поднялось, хотя все стараются делать вид, что, собственно, ничего иного и не ожидали. Вообще-то следует быть осторожнее — сегодня ведь еще могут быть сюрпризы... Ракетные залпы будут продолжаться весь день. Второй выстрел через небольшой, строго определенный интервал.

Между залпами время промелькнуло незаметно. Второй — производил комплекс, расположенный на корме, у мачты. Запуск второй боевой ракеты мне разрешили наблюдать уже не из ходовой рубки, через иллюминатор, а с открытого капитанского мостика. И я крепко вцепился в поручни, чтобы ненароком не очутиться за бортом.

Из открытой двери ходовой рубки на мостик четко доносился отсчет времени, передаваемый по корабельной трансляции: «До старта — пять минут!.. До старта — четыре минуты!.. Одна минута!»

Крышка серой трубы откинулась. Слышится: «Старт!» Будто помедлив, объятая пламенем, ракета с ревом вырывается из трубы. И в ту же секунду на нас обрушивается сильный и резкий удар воздушной волны. Доли секунды — ракета с молниеносной быстротой ушла в притихшее над горизонтом прозрачное небо.

Снова в боевой рубке. Вот ракета вычерчивает линию на экране, и мы ясно видим весь ее путь. Снова взгляды всех устремлены на часы. И снова несколько напряженных минут. Время, за которое наша боевая ракета должна была пройти расстояние до цели, истекло. Офицеры, как мне кажется, малость нервничают. Ждем сообщения. И опять сообщение: отмечено прямое попадание в цель! Командиры сдержанно поздравляют друг друга, с выражением эмоций здесь осторожны.

После стрельб ко мне в каюту зашел старший лейтенант Темнов и сказал: он только что подал заявление в партбюро с просьбой принять его кандидатом в члены КПСС. Давно готовился, но до сегодняшнего дня все откладывал, а нынче вот «посчитал: можно».

...Море пустынно. Даже косаток нет, наверное, напуганы стрельбой. Солнце приготовилось швартоваться на ночь за горизонтом. По подернутым легким бризом волнам Тихого океана полным ходом идет наш ракетный крейсер.

Иван

Юрий НАГИБИН — Рассказ — Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Иван был сыном тети Поли. В те годы в каждом большом доме обитала такая вот тетя Поля. Не имея постоянной работы, она нанималась поденно: мыть полы, стирать белье, присматривать за детьми, ухаживать за больными. Перед майскими праздниками тетя Поля надраивала окна в квартирах, далеко высовываясь наружу, будто повисая над глубью двора с его чахлым сквериком, винными подвалами и громадными битюгами, впряженными в широкие, присадистые телеги. Приглашали тетю Полю еще для одного дела: обмывать покойников. Непонятное и жутковатое занятие это наделяло тетю Полю таинственной значительностью. И хоть была она маленькая, тощенькая — соломинкой перешибешь,— ее не отваживались задирать даже такие отчаянные смельчаки, как Вовка-ковбой. А поводов для задирания тетя Поля давала достаточно: она была богомольной и пьющей. Не монашка, конечно, и не пьяница, но служила и богу и зеленому змию. Она хаживала в церковь не только на престольные праздники, но и в обычные, будние дни, святила кулич и пасху, ставила свечки, размашисто крестилась, заслышав колокола старинной церкви в Армянском переулке, и самыми страшными ругательствами в ее устах были: «нехристь» и «язычник»...

Выпивала тетя Поля только под воскресенье и на большие советские праздники, но уж непременно. И тогда, молчаливая, замкнутая до угрюмости, она становилась общительной, разговорчивой, даже хвастливой, хотя маленькие глаза ее оставались такими скорбными, будто она вот-вот разрыдается. Но никто не видел тетю Полю плачущей, как никто не видел ее улыбающейся. Она остановилась на пороге улыбки, как и на пороге слез.

Тетя Поля прибыла в наш дом на смену тете Варе, выполнявшей до нее те же обязанности,— вот только насчет покойников не знаю, слишком мал был. Тетя Варя, совсем постарев, уехала доживать век к дочери в деревню, а в ее комнату, вернее сказать, каморку под лестницей, по прошествии малого времени вселилась тетя Поля. Это событие памятно мне, потому что во дворе появился новый мальчик Иван, сын тети Поли. Конечно, ничего потрясающего в этом не было, но каждый новый жилец пользовался повышенным вниманием, пока не обретал того или иного места в сложной дворовой иерархии. Я говорю, разумеется, о своих тогдашних сверстниках, но и у взрослых все обстояло сходным образом.

Надо сказать, ассимиляция тети Поли произошла куда проще, нежели ее сына. Самое место вселения сразу определило общественный и социальный смысл тети Поли, и дом, начавший болезненно чувствовать отсутствие тети Вари, обрадовался ее преемнице. И не зря: тетя Поля по всем статьям превосходила сырую, болезненную, старчески немощную тетю Варю. Двужильная при своей худобе и малорослости, добросовестная, опрятная, кристально честная и вовсе не жадная к деньгам, тетя Поля ворочала за двоих...

Иван был предметом великой и единственной гордости тети Поли. Когда субботняя стопочка пробуждала в ней душу для общения, доверия и радости, она только о нем и говорила. И какой он послушный, и какой тихий, и какой благодарный. «Ей-богу, сызмальства такой! — удивлялась она.— Всякое дитя грудь просит, а мой хоть бы пискнул. Не покорми его, так без звука и помер бы!» Если верить тете Поле, выносливая кротость младенца Ивана превосходила подвиги первых христиан. Оставленный ею как-то на морозе, он развязался и «аж посинел весь, уж и сердчишко замерло», когда вернулась мать, но и тут не кричал, не взывал о спасении. Другой раз его, трехлетнего, чуть не расклевали куры. Он о косу порезался, ну а куры, жадные до крови, как кошка до валерьянки, накинулись и давай долбить клювами окровавленную ногу. А он, морщась от боли, молча отпихивал их слабыми своими руками...

Отцом Ивана был водолаз. Он вывез тетю Полю с шестилетним сыном из Солотчи и поселил в Петровском-Разумовском, на квартире у сестры, и ушел на дно, чтобы никогда не вернуться. А тетя Поля, не предаваясь ни гореванию, ни вполне естественной растерянности, съехала от скандальной золовки и определила себе ту жизнь, какой с тех пор и жила, растя и кормя досыта своего Ивана.

О покойном муже тетя Поля не сожалела. Более того, слегка перебрав, пускалась в туманные рассуждения, что, мол, никто не знает, каких благородных кровей ее Иван. Выходило, что отцом Ивана был вовсе не водолаз, а приезжий из Москвы землемер с теодолитом. Легкость, с какой тетя Поля произносила слово «теодолит», делала вполне вероятным, что она не соблюдала верности своему водолазу в пору, когда он более счастливо уходил на дно.

Иван и впрямь был прекрасных кровей, но чисто рязанских, не разбавленных чужими соками. Спелая рожь, небо и парное молоко дали ему свои краски. Летом слабый загар придавал его коже оттенок топленого молока. Этот молочный, синеглазый, ржаной, благостный мальчик не имел большого успеха в нашем дворе, населенном городскими детьми, колючими, нервными, с серой кожей, выросшими на булыжнике и асфальте, а не на траве и теплой земле.

Иван казался нам чужестранцем, и мы с упорной детской жестокостью отказывали ему в праве гражданства. Это было в порядке вещей. Несчастный Борька-американец — он прибыл в наш двор не из Америки, а из подмосковных Мытищ и своим прозвищем был обязан клетчатой кепке заграничного образца — заплатил жизнью за право числиться одним из нас. Это совпало с расцветом «буферной болезни». Подобные эпидемии нередко постигали наш двор: то мы увлекались фантиками, то играли в «крымбандитов» (контрабандистов), то кастаньетами, то свайкой, то сражениями на деревянных мечах, позже — «факке» (хоккеем), фигурной ездой на велосипеде и довольно сложным комплексом фильма «Путевка в жизнь», включавшим песню «Гоп со смыком», чечетку, финский нож, особый жаргон и ломание под блатаря. Борька-американец попал к нам в пору опасных трамвайных игр. Он сорвался с буфера под колеса встречного трамвая, ему отрезало ноги, и он умер на операционном столе, так и не удостоившись дворового признания.

Иван не пытался выставиться, ускорить свое водворение в наши души, ему по всей природе чужды были отчаянные подвиги Борьки-американца. В нем и вообще проглядывало что-то бабское. Он не дрался, не гонял голубей, не играл в деньги, не стрелял из рогатки по воробьям и форточкам, не таскал в кармане ни ножа, ни закладки, не воровал винных бутылок, даже не ругался, хотя иные предметы и действия с патриархальной простотой называл словами, не встречающимися в толковых словарях, кроме дореволюционного издания Даля.

Он играл в безобидные игры вроде фантиков, пряток, салок, позже гонял в футбол, хорошо бегал на лыжах, но никак не мог научиться езде на велосипеде, что-то мастерил и возился с калечными животными. Если определить его главную устремленность — он всегда кому-то помогал. Строил во дворе, за помойкой, превосходные голубятни для наших голубятников, выстругивал деревянные мечи и шпаги, хотя сам чурался сражений, надувал сильными легкими футбольные мячи еще в ту пору, когда его даже загольным кипером не ставили, клеил и накачивал велосипедные шины, запускал с малышами бумажные кораблики по весенним ручьям, был непременным участником всех дворовых мероприятий — от

заливки катка до писания трогательных лозунгов ко дню птиц. Помогать было его призванием. При этом он не выгадывал пользы для себя, кроме, очевидно, некоторого душевного комфорта, но в этом смысле любой добрый, даже самоотверженный поступок эгоистичен. Тут было что-то наследственное. Похоже, и тетя Поля избрала себе занятие не только по необходимости, но и по склонности. Она столько всего умела, что легко могла бы найти постоянную работу. Но ей нравилось быть дворовой «скорой помощью». Может быть, это создавало ей иллюзию наполненной душевной жизни? Нечто сходное происходило с ее сыном. Ему доставляло куда большее удовольствие стараться для кого-то, нежели для самого себя. Наверное, это и есть любовь к людям...

Но признательность не била из нас фонтаном. Ивана безбожно эксплуатировали, обманывали, обирали. Я-то уж на что лопух был, а и то попользовался от Ивановой доброты...

Как-то раз он позвал меня к себе под лестницу сыграть в фантики. У нас во дворе знали игру в «кон» и «пристеночку», а Иван предложил новый способ: фантик кладут на ладонь, затем с силой ударяют рукой снизу по столешнице, чтобы фантик прыгнул на стол. Противник должен, действуя сходным образом, накрыть твой фантик своим. Если он не преуспел, ты получаешь возможность накрыть его.

Существовали фантики разного достоинства. Тонкие, просвечивающие, будто навощенные обертки от «барбариса», «грушевых», «прозрачных» не шли в сравнение с плотными, красивыми обертками дорогих шоколадных конфет, вроде «мишек» или «грильяжа». Менее нарядными и потому менее ценимыми были обертки «раковых шеек», «тянучек-коровок». Особенно же ценились фантики зарубежного происхождения. У меня был один — с Дюймовочкой на листе кувшинки.

Клянусь, я не жаждал заполучить жалкие фантики Ивана из тонких оберток дешевых конфеток и не боялся лишиться своих роскошных фантиков, что-то другое двигало мною, когда после его выступки предложил изменить правила. Его фантик будет считаться битым, если мой ляжет на расстоянии хотя бы вершка — растопыренной пятерни. Иван с легкостью согласился, и я без труда побил его фантик. Так оно и пошло. Новое правило ставило начинающего игру в безнадежное положение: как ни старайся, от растопыренной пятерни не уйдешь. Чрезмерность удачи на миг смутила меня. Но незнакомое, упоительное ощущение выигрыша подавило великодушный порыв в самом зачатке. Я никогда не выигрывал, ни в чем. Все мальчишки нашего двора без устали чем-то менялись. Я действовал, как тот простак из притчи, что доменялся до иголки, начав с коровы, а иголку потерял. Сколько моих пробочных револьверов, ножей, красок, цветных карандашей перекочевало в карманы дворовых приятелей, а Вовка-ковбой ухитрился выменять у меня даже величайшее мое сокровище — смертоносный пистолет Монте-Кристо, который я на ночь клал под подушку. И вот нашелся еще больший простофиля, чем я. Как сладко быть хозяином положения! Я упивался своей находчивостью, змеиным лукавством, железной хваткой. Нельзя сказать, что во время моих разорительных мен с Вовкой-ковбоем и другими мастаками я простодушно гордился собой. Меня не оставляло щемящее чувство несправедливости, какой-то порчи всего миропорядка, которой я бессилен противостоять. Против меня были напор и беспощадность чужой воли, точно ведающей цель, собственная деликатность, зыбкость стремлений и доброта. Но сейчас я имел дело с превосходящей добротой, щедростью, деликатностью и наслаждался неизведанным чувством волевого превосходства. Я не испытывал ни жалости, ни сочувствия к Ивану, ничего, кроме легкого презрения.

Но вот он поглядел в банку из-под какао «Золотой ярлык», где хранил свой скудный клад, охнул и засмеялся.

— Пусто!

Тут как раз вернулась с работы тетя Поля.

— Маманя, покупай конфет, я все свои фантики продул! — радуясь невесть чему, сообщил Иван.

Маленькое, запертое, будто глядящее внутрь себя лицо тети Поли странно притуманилось.

— Не играй ты с ними, они же всегда тебя объегорят.

— Почему, мамань?

— Да ведь ты же дурачок! — с какой-то сложной интонацией печали, насмешки и нежности сказала тетя Поля...

Гордый своей победой, я раззвонил по двору, как «ободрал» Ивана, чью непроходимую глупость удостоверила родная мать.

— А он правда дурачок! — обрадованно сказала тонконогая эстонка Лайма.— Ванушка-дурачок!..

Так и прицепилось к Ивану это прозвище и сразу все поставило на свои места. Доброта у детей не в большом почете, хотя они умеют пользоваться ею не хуже взрослых. В Иване нуждались, его одолевали различными просьбами и при этом шпыняли, дразнили, давали «пенделя», чтобы помнил свое место. Обретя прозвище, он вдруг определился для всех, словно бы узаконился. Его перестали задевать, полностью приняли, но в обращении с ним проглядывала та обидная, презрительная ласковость, с какой в народе от века относятся к недоумкам, богом обиженным, чудакам.

Впрочем, не следует так уж преувеличивать обидность клички. Ведь в русских сказках Иванушка-дурачок вовсе не глуп, сметлив да и собой парень ражий, но с некоторым отклонением от той самоуверенной дюжинности, что почитается нормой.

Вряд ли стал бы я писать об Иване, оставшемся в моей памяти чем-то вроде плохо пропеченного колобка, если б не встреча с бывшей девочкой Лаймой, ставшей немолодой женщиной, матерью великовозрастного сына. Встреча произошла чуть более двух лет назад, на пороге моего паломничества в прошлое. С той поры время работает во мне в двух направлениях: вперед и вспять. Я рад, что образы детства не мешают мне жить поступательно, не уводят от жесткого света текущих дней в прозрачный, нежный сумрак былого. Время как бы воссоединяется во мне, и моя жизнь начинает казаться мне цельной, крепко сцепленной внутри себя, а не хаосом, не чередой случайностей. Нельзя воссоздать прошлое искусственно, собирать его, как собирают материал в творческих поездках. Так ничего не получится, ты не вызовешь образ своей прежней души. Прошлое должно оживать внезапно, являться как озарение, иначе оно все равно останется немо. Я не искал Лайму, как не ищу никого, приходя в свой старый двор и оставаясь там обычно неузнанным, мы столкнулись случайно, и вдруг пробежала искра...

Может показаться странным, почему я, зная вроде бы довольно о мальчике по имени Иван и по прозвищу Иванушка-дурачок, не знал о нем главного. Но я им никогда не интересовался, и все мое знание было случайным. После игры в фантики мы никогда не общались с ним глаз на глаз. У меня во дворе были другие приятели, и потом я слишком восхищался Вовкой-ковбоем, его лихостью, смуглой разбойной красотой и черной от грязи шеей, чтобы испытывать симпатию к чистенькому и тихонькому Ивану. А его поначалу тянуло ко мне, но, почувствовав шипы, он отступился.

Потом одно мелкое обстоятельство подорвало мои связи с двором и окончательно увело из поля зрения Ивана. В нашем доме открыли парадные двери. Не знаю, почему так сталось, но еще в революцию наш дом был

взят с улицы под замок. Жильцы могли пользоваться лишь черным ходом,— крутыми, узкими лестницами, выходившими во двор, точнее, в два обширных двора.

Наш дом участвовал в революции, здесь находился штаб революционных рабочих-печатников. Вместе с тем это был дорогой доходный дом, принадлежащий богачу Константинову, с роскошными квартирами, в которых жили весьма состоятельные люди.

Парадные двери были закрыты. Лишь в середине тридцатых годов они распахнулись настежь. Для меня они распахнулись в сторону Чистых прудов, где находилась моя школа, новые друзья, новые увлечения. В одном парадном со мной, на этаж ниже, жил мой лучший друг Павлик. Я спускался по широкой, пологой лестнице, над которой торжественно возносился стеклянный купол, под ладонью шелково проскальзывала гладь полированных перил. Павлик ждал меня на площадке. Мы мчались вниз, в тишину Телеграфного переулка, уходящего к Чистым прудам, сюда не долетали шумы нашего двора.

Конечно, иногда я появлялся во дворе, походя, да и то редко. Построили метро, и теперь наша связь с большим московским миром осуществлялась через Кировскую станцию, что у Чистых прудов. Я видел моих мужающих сверстников, среди них непривычно большого Ивана, но если что и привлекало мое внимание, так это чудесное превращение наших девчонок, становящихся девушками.

А затем я переехал в совсем другую, приарбатскую Москву. Вскоре после окончания войны я пришел в свой старый двор, чтобы узнать об участи ребят. Иван погиб одним из первых, в самом начале войны. У него была студенческая отсрочка, он пошел добровольцем. Я почему-то ждал, что так и будет.

Ну, а много лет спустя я наткнулся на Лайму, вернее сказать, на пожилую, с сильной проседью, поплывшую, растерзанную женщину, делавшую вид, будто она возникла из костлявой, зубастой, как щуренок, девчонки с нашего двора.

«Гадкий утенок» Андерсена написан о Лайме. Не было на свете гаже утенка, чем маленькая Лайма. Кличка «Чухна белоглазая» отражала лишь малую подробность ее облика: бесцветье водянистых глаз. Она и вся была бесцветной, будто ее выварили в щелоке, со слабыми бесцветными волосами, бледным крысиным личиком, острыми, вечно побитыми локтями и коленками. Если добавить к этому настырность, упорное стремление во всем подражать мальчишкам при полном отсутствии ловкости, силы и выносливости, то можно понять, что Лайма не числилась в любимицах двора. Никого не шпыняли так охотно и жестоко, как Лайму. Как только она выдерживала! Быть может, ей казалось, что, пройдя некий искус, она будет принята в дворовое братство. Но ее били, над ней измывались не для того, чтобы проверить ее стойкость, преданность, не за мнимые или истинные провинности, а чтобы отвадить, чтоб духу ее не было. Только Иван, как ему и положено, не обижал Чухну белоглазую, но Лайма плевать хотела на его доброту, у нее была одна мечта: стать «своим парнем» в дворовой банде. Годам к пятнадцати, пройдя пик своего безобразия, она стала оформляться если не в лебедя, то в лебеденка, грациозно неуклюжего, прелестного. Мы все проглядели ее превращение. Незаметно для нас она сумела поменять молочную карзубость на два ряда жемчужных зубов, чухонское белоглазье на серые, с проголубью, удлиненные глаза, приобрести густые пепельные волосы, нежную, чистую кожу, медленную улыбку. Она еще оставалась голенастой и тонкорукой, но в несовершенстве и угловатости ее фигуры проглядывала будущая стройность.

Как раз в ту пору на нее обратил немилостивое внимание корифей наших двух дворов Вовка-ковбой. В каждом доме есть такой герой: самый сильный, самый храбрый, самый изобретательный. Предводитель, Атаман, Оцеола вождь семинолов. Незавидна судьба тех дворов, где в роли предводителя оказывается человек с низким характером. Наш Вовка брал всем: и силой, и смелостью, и ловкостью, и мозгами, и душевной широтой. Развитый, начитанный, насмешливый, он держал нас в страхе божьем, сравнительно редко прибегая к кулачной аргументации. Это он берег для девятинских, златоустовских, чистопрудных и прочих враждебных племен. Вместе с тем Вовка считал ниже своего достоинства вникать в наши мелкие дрязги, распри и междоусобицы. Так, ему не приходило в голову заступиться в свое время за Ивана или защитить Лайму. Иван не мог ему нравиться, Лайму он просто не замечал. Вплоть до того времени, когда в Лайме свершилась перемена. Все мы почтительно отступились от новой Лаймы, а Ковбой принялся злобно преследовать ее. Будто осколок кривого зеркала попал ему в глаз, он видел не сегодняшнюю Лайму, а исчезнувшую, издевался над ее прекрасными зубами и прекрасными глазами, над ее длинными ногами и тонкими, нежными руками. От слов он переходил к делу — толчки, тычки, подножки сыпались на бедняжку Лайму. Ковбой донимал ее не с хулиганским добродушием, а с ненавистью, свирепой ненавистью, ставившей нас в тупик. Чем-то стыдным и жутковатым веяло от поведения Ковбоя.

Все это длилось довольно долго и для меня происходило словно в тумане, ибо настало время открытых парадных дверей. Из тумана донесся до меня слух, что Иван вступился за Лайму, произошла драка, и Вовка-ковбой, израсходовав на Ивана всю свою непонятную злость, оставил Лайму в покое. Кто-то осмеливался утверждать, что Вовка отнюдь не вышел победителем в этой драке, но все его последующее поведение в отношении Ивана: властное, приказательное, сверху-вниз — опровергало кощунственное утверждение. Ну, а вскоре, как уже говорилось, я распрощался с Армянским переулком, и лишь встреча с немолодой, по-утреннему не прибранной женщиной вернула меня к давно забытой детской истории.

Только в старых домах, где живут десятилетиями, проходят гребень жизни и начинают стариться, где бабушки помнят друг дружку пионерками, а дедушки вместе гоняли голубей, отважится женщина выйти во двор в таком затрапезном виде. На Лайме был старенький ситцевый халатик поверх ночной рубашки и шлепанцы на босу ногу. Тяжелые волосы кое-как заколоты шпильками, в уголке рта забылась погасшая сигарета. В руке, напрягшейся голубыми жилками, Лайма держала ведерко с белилами, верно, бегала в москательную лавочку через дорогу, под мышкой — потертую кожаную сумочку. Увидев меня, Лайма выплюнула окурок, ведерко поставила на землю и как-то грустно-осудительно покачала головой. Движение относилось к моим морщинам и к седине, собственный непотребный вид Лайму не смущал. За истекшие годы мы виделись два-три раза, здоровались, обменивались незначащими фразами, а вот сейчас впервые разговорились. И, приняв происшедшую в ней перемену, я вдруг понял, что достаточно Лайме надеть лифчик и пояс, причесаться и слегка подкраситься, она сразит наповал и «бойца с седою головой» и юношу, мечтающего о «настоящей женщине». Глаза у нее попрежнему были темно-серые с проголубью и чистый, свежий рот.

Вначале мы несли всякий вздор, просто от радости, что встретились, а потом, как обычно бывает у стареющих, давно не видевшихся людей, разговор свернул к главной теме: кто из общих знакомых покинул земную сень. Лайма назвала мне ушедших ветеранов двора и среди других тетю Полю. А мне почему-то казалось, что ее давно уже нет. Трудно было представить столь долгую ее жизнь без сына.

— Как она жила? — спросил я.— Не нуждалась?

— Нет. Получала пенсию за Ивана. Ей помогали.

— Все под лестницей?..

— Нет, что ты! Вовка-ковбой ей комнату выхлопотал. Знаешь, в квартире Кандеевых, угловая? Хорошая комната, светлая. Вовка-то большим начальником стал.

— Слышал... Тяжело ей было?

— Тяжело,— сказала Лайма.— Она крепко зашибала. До самой смерти. Но безобразного ничего не было, она же тихая.

— И сын был тихим,— заметил я.

— Вот уж нет! — тряхнула платиновой головой Лайма.— Он не участвовал в ваших дурацких драках и не катался на буферах, но вовсе не был тихим... Он знал, как мать за него боится, и жалел ее. Ему не нужно было утверждать себя вашими жалкими подвигами.

— Чего ты злишься?

— А правда?..— сама удивилась Лайма, но продолжала с тем же напором: — Видимо, для меня все это значит куда больше, чем для тех, кто уехал отсюда. Я прожила здесь жизнь, и самое важное связано для меня с этим домом. Я и войну тут проторчала, то в подвале, то на крыше. Я понимаю,— сказала она, предупреждая мои возражения,— детство ни для кого не проходит бесследно, но ты судишь со стороны...

Лайма не договорила. Подошел долговязый молодой человек с шапкой черных волос, тяжелым смуглым носом и Лаймиными серыми, с проголубью глазами.

— Ты скоро?..

— Отнеси ведро домой! — приказала Лайма.— Это мой оболтус.

— Иван,— назвал себя молодой человек, подав мне большую теплую руку. Глянул на мать и, не получив новых указаний, забрал ведро и удалился.

— Красивое имя,— заметил я,— но довольно редкое у эстонцев.

— Он гибрид. Отец — армянин московского разлива. Я назвала его в честь нашего Ивана,— сказала она с нежностью и легким вызовом.

— Вон что!..— Я начал о чем-то догадываться.— Слушай, что тогда произошло между тобой, Вовкой и Иваном?

— А ты не знаешь?

— Нет.

Лайма улыбнулась.

— Это было самое лучшее в моей жизни. Честное слово!.. Помнишь, как Вовка измывался надо мной? А тут он поймал меня возле помойки и давай за волосы таскать. Я хотела огреть его ведром, он вывернул мне кисть, обезоружил и приказал на коленях просить прощения. Ну, а я уперлась. Раньше я и не такое делала,— колышки из земли зубами таскала и еще что-то омерзительное. Хорошо вы с девочкой поиграли!.. Ну, а тут ни в какую. Умру, а унижаться перед ним не буду. Вовка как рванет мне руку, прямо из плеча выдернул, я заорала. Помнишь, за помойкой дровяной сарай? Иван там как раз ловушку на голубей для Пети Мягкова строил. Мы слышали его пилу и молоток. Но мне и в голову не пришло на помощь звать, я просто заорала от боли. Иван свесился с крыши: «Брось, Ковбой, будь человеком!» Тот послал его подальше и так скрутил мне руку, что я носом землю запахала. Иван спрыгнул вниз, оступился, подошел прихрамывая, губы белые. «Над женщиной издеваться?!» — и двинул Вовку в челюсть. Я обалдела. Главное — не то, что он самому Ковбою в морду дал, а что меня «женщиной» назвал. Мне тогда шестнадцати не было — соплячка. Услышь я такое от тебя или от Вовки, я бы не удивилась. Вы оба книжные и могли еще хлестче загнуть из подражания какому-нибудь невероятному герою, спасающему свою возлюбленную. Но Иван не был книжным, он был естественным, как трава, как дерево, и в этой обмолвке раскрылась его догадка... Я тоже вдруг все поняла и перестала злиться на Вовку. Он чувствовал, что во мне возникает что-то новое,— «женщина», как сказал Иван, это его волновало, мучило, и ему хотелось загнать меня назад, в детство, подавить все темное, страшное в себе самом. Нормальные мальчишки перестали ко мне цепляться, а Вовка, парень страстный и трудный, обрушился на меня, будто я в чем виновата. Это был страх перед взрослостью. И сейчас его тайное, даже от себя тайное, было разгадано, названо вслух, и он прямо-таки озверел. Я всегда презирала ваши паршивые, неумелые, трусливые драки, но там... Ей-богу, я не видела ничего лучше! Дрались не мальчишки, а молодые мужчины. И они дрались из-за меня. Из-за чего-то высшего во мне... Я боялась, что Ковбой сразу раскровенит Ване лицо, у белокожих блондинов всегда слабые носы. Какой там! Вовка не доставал Ивана. Тот принимал его удары локтями, плечом, а сам бил без промаха. Иванова сила была глубже, увесистей, что ли, Вовка снова рухнул — затылком о помойку. Но все же вскочил, челюсть дрожит, глаза опрокинулись.

«Твое счастье, сволочь, что у меня правая вывихнута!» Видать, кому-то нужно было, чтоб Вовка испил свою чашу до дна. Иван тут же сунул правую руку под ремень и выдал Вовке левой. И Вовка не то чтобы сломался, а как бы тебе объяснить?.. Другой полез бы снова, получил бы свое и снова полез, и так до полного омерзения. Это истерика, а не мужество. А Вовка проявил настоящее мужество — принял свое поражение. Он вытер рукавом лицо, сплюнул кровь, кивнул Ивану и пошел прочь. С тех пор он оставил меня в покое, даже перестал замечать. Мы не разговаривали больше года. А с Иваном у них пошло по-прежнему, Вовка все так же командовал, и никто не догадывался, что между ними было...

— Тут ты ошибаешься, какие-то разговоры ходили.

— Смотри ты, помнит! — удивилась Лайма.— Я думала, ты вовсе не от мира сего. Верно, легкая шебуршня началась, по Вовкиной вине. Он хотел предупредить нашу болтовню, а как увидел, что мы молчим, успокоился. В чем-то человек нипочем через себя не переступит. Вовку на многое хватило — он не затаил зла на Ивана. Но ему не пережить было, узнай ребята, что не он самый сильный. Иван его пощадил, и он ответил Ивану дружбой. Вовка говорил потом, что Иван помог ему перейти в другой внутренний возраст, если б не сцена у помойки, он бы черт знает до чего дошел. Они, правда, очень подружились. Вовка любил Ивана даже больше, чем Иван его. Потому что Иван любил многих, а Вовка только его и меня.

— А я и не знал, что у вас с Вовкой была любовь.

— Мог бы догадаться, все-таки писатель. Только не подумай, чего не надо,— самая чистая, возвышенная и дурацкая любовь, какая бывает на свете. А ведь детишкам девятнадцатый годик шел, когда Вовкино училище перевели из Москвы. На вокзале мы с ним в первый раз обнялись и в последний, когда Вовка вернулся с войны, я уже была с Ваганом. Можешь себе представить, Вовка требовал, чтоб я ушла к нему, и даже рвался объясняться с мужем. Я, конечно, не позволила.

— Ну еще бы, ты же Ивана любила, а он не пришел.

У Лаймы вдруг стали молодые скулы. Только женщины умеют так мгновенно и поразительно меняться.

— Нет, нет, ты ошибаешься! Тут другое... Мне вот хотелось, чтобы мой сын был, как Иван. Им нелегко быть, а еще труднее стать... Знаешь, его отец избивал спьяна тетю Полю, отсюда у Ивана такое отвращение к дракам и всякой жестокости, наверное, потому он и жалел людей. Но, когда надо, он шел в бой, будь то у помойки или на московских рубежах. У Ивана все от натуры, а воспитать... Глядишь — вырастила слабака или мокрую курицу. И еще — такие, как Иван, не приходят с войны... Но все равно — после Ивана не охота, чтоб твой сын был другим. Вот какие пироги!.. Ну, а я... что я?.. Мало кому удается прожить свою, а не чужую жизнь...— Она щелкнула замком старой кожаной сумочки.— А ты хоть помнишь Ивана, помнишь, как он выглядел?..

Она извлекла из-под рваной подкладки крошечную паспортную фотографию. Я взял карточку и удивился проницательности Лаймы. Я действительно не помнил Ивана, вернее, не так помнил. На карточке ему было лет шестнадцать-семнадцать, таким я его видел перед тем как переселиться на Кропоткинскую площадь. Видел и не видел. С карточки смотрело довольно широкое, худощавое, крепкое в скулах и челюстях, большелобое сильное юношеское лицо с прямым, добрым взглядом, чуждым мути и смятения, обычно сопутствующим созреванию. Распахнутый ворот рубашки позволял видеть шею и ключицу, и этого было достаточно, чтобы представить, как ладно скроен и крепко сшит был весь телесный состав Ивана. И в который раз поразился я своей детской слепоте. Дешевая сказочка, созданная не без моего участия, скрыла истину человека. Одно лишь было справедливо в придуманном про Ивана — он впрямь был из сказки, только не про Иванушку-дурачка, а про Ивана-царевича.

КУДА ПРИВЕДЕТ ОТКРЫТИЕ

Михаил РОСТОВ

Стоит запомнить это событие. Рига. 7-й Международный симпозиум. Огромная трибуна нового Дворца спорта. На трибуну поднимается индиец профессор Хобинд Хорана...

Но скажем сначала, что за Международный симпозиум проходил в Риге и почему сообщение профессора Хорана, работающего в США, так потрясло воображение не только ученых, но и людей, далеких от науки.

Симпозиум был посвящен химии природных соединений. Профессор Хорана докладывал о первом синтезе гена — памяти жизни.

Куда приведет это открытие? Какая судьба ждет его? Это не обсуждал в своей лекции профессор Хорана, хотя, наверное, об этом задумывался. А вот ученые, разбредясь после лекции по вечерней Риге, говорили об этом, говорили на разных языках, делились своей радостью и смутной тревогой: во благо или во зло будет использовано новое открытие? Ведь судьбы научных исследований всецело зависят от того, в чьих руках эти исследования находятся...

* * *

Все имеет свою историю. Есть история и у синтеза гена. Немало страниц вписано в нее и советскими учеными.

...1961 год. Жаркая августовская Москва. Международный биохимический конгресс. Первое незапланированное сообщение о генетическом коде.

Вторая половина 60-х годов. Раскрыта основная цепь событий в механизме передачи наследственной информации. «Жизнь есть способ существования белковых тел». Сегодня эта формула Ф. Энгельса дополнена, но отнюдь не опровергнута. Много разных белков в организме. Но все они сложены из 20 видов кирпичиков — 20 аминокислот. Каждая из них должна занимать в белковой цепи свое строго определенное место. Ошибка при сборке белковой молекулы чревата большими неприятностями. Вот гемоглобин — красный белок крови. Он построен из 287 аминокислот. Замена лишь одной из них на другую приводит к серповидной анемии — тяжелому, смертельному заболеванию.

Кто же архитектор белковой молекулы, кто прораб, где и как записана программа, нарисован чертеж сборки? Наука теперь знает ответ: «В гене». Ген — это небольшой участок в двойной спирали ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислоты, вещества наследственности.

Ученые не только доказали, что ген существует, его даже увидели. Электронно-микроскопическое изображение гена показывает советский академик В. А. Энгельгардт в своем юбилейном докладе в дни ленинских торжеств. Весь конференц-зал Института молекулярной биологии Академии наук СССР четко видел на большом белом экране ген — кусок спирали, две сплетенные друг с другом толстые нити.

Информация с ДНК передается другой нуклеиновой кислоте — информационной РНК. Дальше в игру вступает транспортная РНК. Она перевозит кирпичи — аминокислоты, из которых строится здание белковой молекулы. Структура одной из двадцати известных сегодня транспортных РНК раскрыта в Институте молекулярной биологии АН СССР членом-корреспондентом АН СССР А. А. Баевым и его сотрудниками. Чертеж каждой транспортной РНК заложен в соответствующем гене. А если точно знать структуру какой-либо транспортной РНК, то можно попытаться искусственно собрать и этот ген.

Все эти исследования и идеи легли в основу опытов лауреата Нобелевской премии Хобинда Хорана.

Имея перед глазами рисунок Роберта Холли, американского ученого, выяснявшего структуру первой транспортной РНК, индийский химик начал синтез гена. Первый диапозитив, который показал залу Хорана, была модель «клеверного листа» — чертеж этой РНК. По нему требовалось собрать ген. Ученый рассказывает о том, как он кропотливо, по маленьким кусочкам, используя все достижения современной химической и биохимической науки и экспериментальной техники, собирал этот первый примитивный ген, складывал буквы в слова. Всего 77 кирпичиков. Пустяк по сравнению с генетическим аппаратом человека, содержащим миллионы таких кирпичиков.

Когда Хорана кончил, встал председатель: «Мы потрясены. Мы потрясены объемом, уровнем и элегантностью работы. Спасибо вам. И я поздравляю вас и всех присутствующих в этом зале как современников большого открытия».

* * *

Итак, в науке открыта новая страница. Хобинд Хорана написал на ней первую строчку. Куда приведет это открытие, какие перспективы намечает оно? И почему это открытие вселило в души ученых радость и пока еще неясную тревогу?..

Это может стать революцией в сельском хозяйстве, медицине, микробиологической промышленности. Мы находимся на пути к управлению и изменению наследственных признаков, на пути к созданию новых видов полезных растений и животных, на пути к конструированию новых, никогда еще не существовавших на Земле организмов. Эти организмы могут быть очень полезными людям, но могут быть созданы и вредные — новое, страшное, бесчеловечное оружие.

Прекрасные науки — физика, химия, биология... Но в руках озверевшего фашизма химия, давшая ядовитые газы, погубила тысячи и тысячи людей. А физика?.. Вспомним Хиросиму и Нагасаки!

Мировая наука едина, интернациональна. Но вот мир на Земле не един — есть два мира, две системы. И от того, в чьи руки попадут плоды науки, зависит, на гуманные или на диаметрально противоположные цели они будут использованы.

Именно поэтому несколько прогрессивных американских ученых, которые добились очень интересных результатов в области молекулярной генетики, ушли из науки, прекратили работу. Они боятся, что плоды лично их трудов станут новым оружием.

Судьба нового большого открытия не может не волновать людей. Конечно, от первого синтеза гена клетки дрожжевого грибка до создания никогда прежде не существовавших на Земле организмов еще очень и очень далеко... Но опыт физики и космоса показал, что расстояния сокращаются. Чистая, академическая наука стала слишком могущественной, а при зловредном ее использовании — слишком опасной силой, чтобы каждый человек мог позволить себе не знать, что в ней сейчас творится, не задумываться над этим. Можно не понимать современной научной кухни, но должно знать, что за блюдо на ней готовится. Кухня эта по своей природе добрая, но, люди, будьте бдительны — не допустите использования ее плодов в адских целях.

И потому не ленитесь читать о том, над чем работают сейчас ученые мира. Пусть это не самое легкое чтение. Читайте! Это очень важно. Никакая фантастика, никакой детектив не могут сравниться по увлекательности и напряженности сюжета с поиском и открытиями, трагедиями и победами мысли человека, научного эксперимента...

И ПУСТЬ ЖИВУТ НАВЕКИ...

Широка, многообразна афиша франковцев, как и в прежние их приезды. Классика и современность, история и события сегодняшнего дня — пьесы И. Франко, М. Старицкого, П. Мирного, И. Кочерги, А. Корнейчука, Н. Зарудного, А. Коломийца — сохраняются в репертуаре Киевского академического театра драмы имени И. Франко на протяжении многих лет... Но среди всех работ театра, работ творческих, богатых талантами, есть спектакль, словно полностью вобравший всю щедрую палитру коллектива, его культуру, традиции, чувство времени.

«Ярослав Мудрый» И. Кочерги — седая история. Наверное, ею можно было распорядиться по-разному. Постановщик спектакля Б. Мешкис, художник Д. Лидер, композитор Ю. Знатоков пошли по единственно правильному пути. Оставаясь верными истории, они создали произведение глубоко патриотичное, современное по духу своему, волнующее силой мысли, близкое и нужное сегодняшнему зрителю.

Мудрым нарекла народная молва киевского князя Ярослава за государственный ум, за прозорливое сердце, за доброту к людям. Есть в образе Ярослава, созданном А. Гашинским, черты былинно-прекрасные. Смотрит ли он с тревогой и нежностью в глаза любимой дочери, или властно и резко останавливает пришлых варягов, или выносит гневный приговор, сверкая очами,— что бы ни говорил, что бы ни делал Ярослав, его цель — укрепление государства, которое предстоит ему собрать воедино.

...Внимательно, строго, словно вопрошая нас, сидящих в зале, смотрят со стен строящегося храма лики святых. Да только святых ли?.. Искусный художник, чернец Микита (артист С. Олексенко) провожает взглядом красавицу Елизавету, дочку Ярослава Мудрого; он смотрит на нее совсем не так, как должно монаху... А когда потом кисть Микиты коснется стенных росписей, не она ли — Елизавета — встанет на фреске, словно живая...

Как вражеский лазутчик, ярый противник политики Ярослава, пришел сюда Микита, прикрывшись иноческой рясой. Но затем сложит монах-художник свою гордую голову за Киевскую Русь. Потому что умом и сердцем наконец поймет, на чьей стороне правда.

...Каменщик Журейко (артист В. Цимбалист) строит храм во славу народа, как символ могущества и нерушимости государства, строит ради потомков, на века. А позже, надев кольчугу и взяв меч, каменщик пойдет в далекие степи, чтобы упредить нашествие кочевых орд на великий Киев.

...Вовсе не пристала монашеская ряса пьянице и буяну Свечкогасу (артист Н. Шутько). И сбежит он из святой обители к варягам. Но потом все-таки Свечкогас вернется назад и вновь возьмется за летопись. Ибо как ни скромен труд писца — это труд созидательный, живая память истории.

Княжеским именем — Ярослав Мудрый — назвал Иван Кочерга свою поэтическую трагедию. Но в том-то и заключается сила, значительность спектакля, что рядом с мудростью князя живет в нем и мудрость народа, творца своей истории. Народа смелого и талантливого, преданного отчизне.

Весь спектакль проходит в единой декорации, меняющейся лишь в деталях: огромная внутренность храма в строительных лесах — словно образ строящейся Киевской Руси. Ничего лишнего: все точно, ясно, строго. Замысел режиссера и актерское воплощение, как и работа художника, как музыка, сопровождающая спектакль,— все подчинено единой мысли, выраженной в словах Ярослава: «И пусть живут навеки держава Русь и Киев наш великий».

Н. БАЛАШОВА

На снимке: Ярослав Мудрый — А. Гашинский.

ИГРАЕТ ТАТАРСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ

Редко кому в жизни выпадает такая доля: в девятнадцать лет человек становится комиссаром полка, в двадцать — комиссаром бригады, а потом всего лишь за год обретает славу популярного писателя-драматурга... О бурной жизни Шамиля Усманова, полной борьбы, рассказывает пьеса А. Гилязова и А. Яхина «Шамиль Усманов», поставленная в Татарском ордена Ленина академическом театре имени Г. Камала.

В беседе с нами одна из старейших актрис, Рашида Абдулловна Зиганшина, ныне директор театра, рассказала:

— В гастрольной афише нынешнего года одиннадцать спектаклей. Среди привезенных постановок есть такие широко известные пьесы, как, например, погодинская «Третья, патетическая». Это особенно ответственный для нас спектакль... Привезли мы и пьесы национальных драматургов: комедию Тази Гиззата «Смелые девушки», драму «Перед свадьбой» Хайя Вахита... Хотелось бы несколько слов сказать о Кариме Тинчурине — режиссере и драматурге, с которым наш театр сотрудничает уже много лет. Мы показываем две его пьесы. В сатирической комедии «Американец» зло высмеиваются пороки обывателей. А музыкальная пьеса «Голубая шаль» очень лирична, она уже много лет радует зрителей своей непосредственностью, искренностью.

Мы хотим представить столице нашу работу как можно более полно. Наряду с темами героическими на сцене романтика наших дней: радость труда и поэтичность чувств...

Н. АЛЕКСЕЕВА

На снимке: артисты Ф. Хамитова и Н. Аюпов в спектакле «Голубая шаль».

Фото А. Бертика.

СВЕТЛЫЙ ОБРАЗ КИРГИЗИИ

ГАСТР ЛЕТО В МО

Каждое лето неузнаваемо меняется московская театрально-концертная афиша. Гастрольная пора в разгаре. Показывают свои работы театры республик и городов нашей страны: Украины, Татарии, Киргизии, Перми, Омска, Свердловска, эстрадные коллективы Ленинграда и Риги, певица из Турции, ансамбли из Польши, Боливии, Югославии...

Среди тех, кто приехал в столицу, есть артисты, уже знакомые москвичам, их любимцы; есть и неизвестные пока еще имена...

Итак, перед нами один из гастрольных вечеров в Москве.

МОЛОДЦЫ, ОМИЧИ!

С чувством гордости смотришь спектакли Омского драматического театра: как же вырос коллектив со времени прошлых гастролей, как много появилось новых интересных работ, имен, граней мастерства...

Открыв нынешние гастроли пьесой Я. Киржнера и А. Мозгунова «Так начиналась легенда», омичи познакомили зрителей со своим земляком — героем Дмитрием Карбышевым. В исполнении А. Щеголева он незабываем. Могучая воля, способность к подвигу живут в нем не вопреки доброте и человечности, а благодаря им, выступая как неотъемлемые качества личности большевика, патриота России, интернационалиста.

Тяготение к людям незаурядным, судьбам необычным делает у омичей не просто интересной, но значительной, масштабной и классику.

Путей к решению пьес классического репертуара театр ищет отнюдь не в нарочитом их «осовременивании», а в жизненной достоверности. Верность принципам А. Н. Островского, требовавшего происшествие даже невероятное объяснить законами жизни, придает главному образу пьесы «Дикарка» А. Островского и Н. Соловьева, поставленной И. Копытманом, звучание почти шекспировское. Обаятельная актриса С. Аникина не раз заставит вспомнить об Офелии, особенно в финале, когда показывает трагический конец Вари Зубаревой, своей героини. Русская девушка, прелестная своей искренностью и простотой, подобно Офелии, гибнет среди людей холодных, изломанных, опустошенных...

И уж поистине шекспировский накал страстей получает пьеса А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», где внутренняя жизнь героев — часто тайная, скрытая от чужих глаз,— обнаруживается в губительной, развращающей душу борьбе за власть. Поистине великолепны здесь Б. Каширин в заглавной роли и Н. Чонишвили, играющий Бориса Годунова. Постановщик Я. Киржнер, как и художник М. Щеглов бережно доносят до зрителя великолепный язык пьесы, ее удивительный колорит. Но доносят опять-таки не ради их самих; они не любуются языком, колори-

С разнообразным репертуаром приезжал на гастроли в Москву Киргизский государственный ордена Ленина академический театр оперы и балета. Первая киргизская опера, эпический «Манас» В. Власова, А. Молдыбаева и В. Фере, «Русалка» А. Даргомыжского, «Тихий Дон» И. Дзержинского, сказочный балет М. Раухвергера «Чолпон», «Жизель» А. Адана и «Болеро» М. Равеля...

Большой интерес москвичей вызвал балетный спектакль «Асель» В. Власова, поставленный молодым киргизским балетмейстером У. Сарбагишевым. Драматичный, полный нежной женственности образ Асели, стойкой и мужественной героини, создает замечательная киргизская балерина Б. Бейшеналиева. Решительную, неподдельно страдающую и борющуюся Кадичи увидели зрители в исполнении С. Молдобасановой.

Не только отличным танцовщиком, но и прекрасным драматическим актером показал себя Б. Арунов в психологически сложной роли Ильяса.

В целом балет предстал как светлый образ Киргизии — страны людей, умеющих глубоко и сильно любить...

Н. ЗЫБИНА

На снимке: «Асель». Сцена из спектакля.

Фото В. Валковского.

ОЛЬНОЕ

СКВЕ

том, а используют их, создавая характеры могучие, самобытные.

Театр привез несколько комедий. Успехом у публики пользуется пьеса Карла Гуцкова «Платок Мольера», живо и с юмором рассказывающая о жизни знаменитого драматурга Франции. Снова видишь на сцене удачи многих своих знакомцев, снова радуешься их способности к перевоплощению, снова думаешь: молодцы, омичи!..

Но вот никак не порадовал «Сверчок». Незамысловатую, бедную содержанием пьесу Г. Кожушника, наверное, можно было поставить как подчеркнуто «молодежный» спектакль о жизни студентов, их увлечениях, ссорах... Этого не получилось. И, думается, не случайно. Там, где театру по плечу большая, серьезная драматургия, всякие отступления от нее неизбежно оборачиваются просчетом. Не спасают ни изобретения режиссуры, ни усилия актеров. И, хотя один спектакль погоды никак не делает, здесь, конечно, для коллектива — урок на будущее.

Н. ТОЛЧАНОВА

На снимке: сцена из «Дикарки». Варя — С. Аникина, Ашметьев — В. Мальчевский.

Фото А. Бертика.

«КАЛИНКА» НЕЗРИН СИПАХИ

Незрин Сипахи, эстрадная певица из Турции, исполняет множество песен; среди них в программе есть, например, произведения бакинца Топчибашева.

— Два года назад,— рассказала мне певица,— в Стамбул приезжал советский врач из Азербайджана Ибрагим Топчибашев. Мои земляки полюбили замечательного доктора и прекрасного композитора; его песни я немедленно стала разучивать. А здесь, в вашей стране, я полюбила и русские песни.

Незрин Сипахи поет, например, русскую «Калинку». В ее репертуаре турецкие, армянские, азербайджанские песни. Каждая из них в исполнении певицы становится новеллой, увлекающей слушателей неподдельной сердечностью.

Т. ЛОТИС

Фото автора.

ЖЕЛАННОСТЬ ВСТРЕЧ

Не впервые этот театр приезжает в Москву, а искушенная московская публика каждый раз с нетерпением ждет новой встречи с Пермским академическим театром оперы и балета имени П. И. Чайковского.

Желанность встреч с одним из старейших русских музыкальных театров объясняется не только тем, что труппа уже прославилась на весь мир прекрасными танцовщиками и певцами. Главное — непогрешимость художественного вкуса театра. Его всегдашняя программа: искать лучшее в новом и беречь лучшее в старом.

Нынешние гастроли еще раз подтвердили правильность и плодотворность этой программы; огромный репертуарный диапазон позволил труппе продемонстрировать все свои недюжинные возможности.

Оперная классика представлена спектаклями, на постановку которых отважится далеко не каждая труппа. Но и сложнейший вокализм «Орлеанской девы» П. И. Чайковского, и масштабность оперы Дж. Верди «Бал-маскарад», и национальная мелодика комической оперы А. Дворжака «Черт и Кача» — все оказалось под силу великолепному хору, оркестру, прекрасным солистам: К. Кудряшовой, Э. Шубиной, Т. Дроздовой, В. Акимову, Н. Украинскому и другим.

...Те же исполнители, тот же оркестр — и совершенно иная атмосфера на сцене, когда слушаешь оперу А. Спадавеккиа «Праздник фонарей» или одну из последних постановок — лирическую оперу Дм. Кабалевского «Сестры». Герои их — наши современники — живут словно на разных полюсах. Светлый лиризм, песенность оперы Дм. Кабалевского, рассказывающей о судьбе Аси и Ярославы, молодых сестер-мечтательниц, резко контрастируют с драматизмом музыки А. Спадавеккиа, воссоздавшего трагическую жизненную коллизию: сын американского летчика, участвовавшего в смертоносном полете на Нагасаки, полюбил японскую девушку Юкки...

Балетная труппа Пермского театра, так же как и оперная, давно уже заставила отбросить пренебрежительное значение слова «периферийный». С огромной бережностью и любовью сохраняются театром заповедные традиции русского балета. Привезенные в Москву балеты П. И. Чайковского «Лебединое озеро» в постановке М. Петипа и Л. Иванова и «Щелкунчик» в постановке В. Вайнонена, «Коппелия» Л. Делиба в постановке А. Горского, великолепные в своей первозданной красоте, раскрыли перед зрителем в полную меру дарование молодых танцоров, лауреатов Международного конкурса в Варне Г. Рагозиной и Л. Асауляка, дипломантки Международного конкурса в Москве Л. Кунаковой, В. Климовой... Все они воспитанники Пермского хореографического училища.

В этом году Пермский академический театр оперы и балета будет отмечать столетие. Московские гастроли — еще одно свидетельство художественной зрелости театра.

О. САХАРОВА

На снимке: сцена из балета Л. Делиба «Коппелия». В роли Сванильды — Л. Кунакова.

Фото Ю. Силина.

Алексей Христофорович Возьянов в гостях у пионеров Донецка.

Фото Б. Виткова.

Клинок

РОДИЧЕВ

С утра болели раны. Капитан Алексей Возьянов проснулся в семь, хотя вчера, засидевшись допоздна над тяжелой и непривычной работой с бумагами, тешил себя надеждами «добрать» полагающиеся ему по возрасту часы отдыха в постели. Проснулся он от тупой, ноющей боли в бедре. За тюлевыми занавесками окон колыхались кроны акаций. «К полудню надует хмари»,— подумал капитан.

Погоду капитан привык узнавать и по домашним приметам. К началу дня Зоя Ивановна, рано уходящая на работу, успевала отутюживать костюмы. Если выпадал сухой, солнечный день, Зоя Ивановна отглаживала китель. Предстояли визиты. Чаще всего начинались они с райвоенкомата, где капитан Возьянов был в комиссии содействия. Затем шел в школу — там у него должностенка покрупнее: заместитель директора по военно-патриотическому воспитанию. Имеются и другие обязанности: редакционные—он собирает материалы о родной Сотой гвардейской. А там, глядишь, подоспело время очередной встречи ветеранов войны с допризывниками или придут на огонек возьяновской квартиры давние друзья по госпиталю... На эти встречи капитан является в полном офицерском снаряжении, нередко при всем наличии орденов и медалей. В штатском капитан отдыхал, но отдых этот часто не отличался от обычных дней.

Жена Зоя Ивановна была сегодня дома. Приоткрыла дверь в спальню:

— Леня, к тебе гости!

— Если из Сотой — приглашай в спальню без задержки! — скомандовал капитан.

Но за дверью медлили, слышалось взволнованное сопение. Потом мальчишеский голос доложил:

— Из Богородицкой мы!

И тут же послышался дружный ребячий смех. Капитан тоже засмеялся в ответ, надел китель.

Школьники, приехавшие ранним автобусом, чтобы застать дома непоседливого человека, сидели на диване, на стульях вокруг стола, стояли у двери.

— Ну, рассказывайте, орлята! — поприветствовал их капитан. Однако он знал: ребята в обществе бывалого человека не разговорятся сами, пока не удовлетворишь их любопытство.

...Да, он помнил Богородицкое, что на Северском Донце. За селом проходила передовая. Наши атаковали беспрерывно, но фашисты словно зубами держались за каждый куст, за каждую рытвину. Звеньями заходили на бомбежку бомбардировщики, выковыривали гитлеровцев из дотов. Вдруг один наш пикировщик вспыхнул и стал на глазах притихших от изумления и досады солдат роты Возьянова падать. Из него выбросились два парашютиста. Как назло, ветер тянул в сторону немцев. Парашютистов несло прямо к ним. Еще чуть, и они опустятся за нейтральной полосой. И тогда молодой офицер со своей артиллерийской установкой ринулся в объезд развороченной взрывами полосы на помощь летчикам. Фашисты, выбежавшие было из окопов, онемели от неожиданности. Несколько метких ударов из спаренной установки по флангам атакующих немцев — и они прижаты к земле. Рывок на сближение — и еще удар! Летчиков удалось отбить. Это был неслыханный, дерзкий поединок. Жители села и бойцы передовой линии надолго запомнили этот случай. Рассказы о смелом офицере сберeглись в памяти старших, и теперь вот красные следопыты идут по следам живой легенды.

Сегодня завершились поиски школьников — перед ними тот самый офицер, командир установки. Алексей Христофорович показал ребятам орден Славы III степени, «богородицкий» орден... Вручил ему награду не свой командующий, а авиационный генерал В. Судец, приехавший в артиллерийскую часть, чтобы поблагодарить товарищей по оружию. Всех участников дерзкой операции наградил! А с Возьяновым был у генерала разговор. На то имелась причина.

Приблизившись к строю артиллеристов, генерал разглядел у одного из них совсем не уставное оружие — клинок.

«Трофей?» — полюбопытствовал генерал.

«Вроде того,— застенчиво ответил Возьянов.— Только не с нынешней войны... И даже не с гражданской... Дедушка мой, Юрий Юрьевич, заслужил это оружие за отличие в турецкой кампании. Сыну затем передал, то есть родителю моему, Христофору Юрьевичу... Ну, а после мне клинок достался. Берегу... Работает старинное оружие еще неплохо».

«Сегодня пригодился клинок?»

«До клинка не дошло, а вообще жарко было!»

О клинке ребята услышали впервые. Они даже на какое-то время забыли и о летчиках и об ордене, один даже осмелился попросить клинок для школьного музея. Капитан молча снял потускневшее от времени оружие со стены, слегка выдвинул клинок из чехла. Предупредил: прикасаться осторожно, лезвие остро, как бритва... Но в просьбе отказал не без сожаления:

— Все берите, ребята... Редкие снимки военных лет подарю, могу планшет уступить, если не добыли еще... А клинок покамест не могу, нарушу семейный обычай: от отца — к сыну!

Он кивнул в сторону семиклассника Юры, самого младшего своего сына:

— Окажется достойным — он получит. Ну, а уж если на двойки и тройки сойдет, тогда — любому из вас.

Юные гости разглядели на сверкающей боковине клинка фирменный знак уральских оружейников, отчетливо сохранившееся слово «Златоустъ» и четыре цифры у самой рукоятки: «1877».

И вот мы с Алексеем Возьяновым в дороге — едем туда, где родились дедушка его Юрий Юрьевич и отец Христофор, где прошло его сиротское босоногое детство.

Неоглядная ровная степь. Вспаханная, черная, будто упавшая с широких плеч казацкая бурка. Отменные родючие земли юга, заласканные теплыми зорями, умытые грозовыми дождями. Равнина вдруг оборвется, круто спустится в балку. За глубокой балкой, глядишь, взгорок или отрог каменистого кряжа, а то и насыпанный предками сторожевой курган. Каких-нибудь сотню лет назад по этим балкам и отрогам проходила околица российской державы. Все изменилось вокруг, разве только ветры остались прежними. В их напряженном гудении, в их легкой пробежке по степи слышатся отголоски давних времен, чудится конский топот, звон сабель...

В селе Ново-Игнатьевском, близ Волновахи, на дорогу вышел столетний Георгий Гаврилович Кацель, молдаванин. Хранит в памяти Георгий Гаврилович время своего детства, когда вместо теперешнего асфальтового шоссе на Жданов через Дикое поле прокладывали в воловьей упряжке «показную борозду» от Бахмута на Азов.

На наш вопрос, помнит ли дедушка Кацель служивых людей из рода Возьяновых, старик твердо ответил:

— Помню и старшего и младшего... В то время все служили. В каждом дворе был строевой конь со всей амуницией... Возьяновы — казаки от роду.

Капитана очень обрадовала встреча с другом детства и военной юности отца, дедушкой Иваном Хора. Поначалу не обошлось без конфуза. Когда старик, отирая комья земли с ладоней, пришел с огородов и Возьянов-младший шагнул к нему навстречу, Иван Саввич воскликнул изумленно:

— Христофор! Побратим!

Обнялись, и только потом Алексей Христофорович сказал:

— Мы с отцом, говорят, очень похожи друг на друга!

Через минуту, приглядевшись к современным знакам отличия на кителе офицера, Хора убедился, что перед ним действительно не Христофор. Немного смущенный, жалуясь на глаза, хозяин повел нас в хату.

Иван Саввич — грек, до сих пор, несмотря на заметную седину, волос его остается почти черным, лицо смуглое до темноты. И жива в нем эта трогательная братская привязанность к русскому однополчанину Христофору Возьянову. С ним Иван Саввич служил в одной роте 146-го Царицынского полка, ел из одного котелка... В 1914-м близ селения Вишневецкого под Варшавой Иван Хора получил тяжелое ранение... Темной, в тугих венах рукой гренадер

Д. Байрамов (Ашхабад). БЕСЕДА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

М. Романишин (Киев). ПРАЗДНИК.

Н. Касумов (Баку). БУХТА ИЛЬИЧА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

достает из домашней скрыни потускневший от времени серебряный крест с изображением Георгия Победоносца.

— Были и еще награды, были... И у дружка Христофора имелось не меньше, чем у меня... Клинок его помню...

В строй Ивану Хора вернуться не удалось. На гражданскую дружок его Христофор ушел один. Служил в Ставропольском красном казачьем полку, затем был участником похода через приморский перевал в составе армии Ковтюха. Никогда не расставался с оружием отца.

Как-то, будучи командиром сотни казачьего полка в Ставрополе, Христофор получил задание — охранять штаб соединения, куда собрались на свой съезд красные казаки. Нашлись предатели. На рассвете эскадрон белых атаковал хуторок, где шло совещание.

В короткой и яростной схватке полегла почти вся сотня, но деникинцы не добились успеха, отошли с большими потерями. В том бою тяжелое ранение получил Христофор Возьянов. В неспокойное то время Христофора везли проселочными дорогами в родное село — такова была просьба смертельно раненного казака, не пожелавшего, чтобы его хоронили на чужбине. Христофор верил в целительные снадобья, на которые была горазда его жена степнячка Ирина. Она уже врачевала его отварами трав после возвращения с японской. Христофора прятали родные: от случайных глаз, от неслучайных набегов местных и залетных банд. Без стона переносил муки Христофор. Лишь посетует, бывало: «Эх, беляки несчастные!.. Не могли зарубить до смерти. Я всегда напополам разваливал!» И просил принести клинок.

Кажется, с еще большим рвением, чем за Христофором, охотились недруги за клинком. Особенно усердствовали кадеты — посланцы Деникина. Они появлялись на подворье то одного, то другого родича Христофора.

Однажды постучали концом плетки в заставленное доской оконце хаты Ольги Юрьевны Навки, жены партизана-конника Емельяна, недальнего родича Христофора.

Ольга Юрьевна, тогда еще совсем молодая женщина — она вышла замуж пятнадцати лет,— сидела в хате, прижимая к груди голову двенадцатилетнего сынка Юры. Это был не первый набег незваных гостей.

— Говори, где муж! — завопил с порога старший группы.— Когда последний раз домой заявлялся? Ну?!

Женщина еще ниже клонила голову под взмахом плетки, крепче прижимала к себе мальчика.

— Не знаю... ще з войны не вертався.

— Врешь! Он в отряде Давыдова, нашим головы рубит!.. От царя награды получал, защитникам трона теперь кровь пускает!..

И тут же требовали:

— Ищи кресты и медали! Небось, и клинок возьяновский у себя бережете?

Не найдя клинка и мужниных крестов, они на глазах у матери застрелили ее сына, первенца Юру.

Сейчас, полвека спустя, Ольга Юрьевна, еще крепкая, дебелая старуха, пережившая так много, не может, не может сдержать рыданий, вспоминая о гибели мальчика.

Твердым, неторопливым шагом девяностолетний Емельян провожает нас к машине, вспоминает, как рубил беляков, мстил за сына... А Христофор так и не смог перебороть болезнь, въевшуюся в него после сабельных ударов врага. Едва став на ноги, он несколько месяцев помогал комбеду, работал в первом на селе советском магазине потребкооперации, затем уже окончательно слег. В это время он крепко сблизился с братом жены, Константином, тоже активным участником гражданской войны. Именно ему в предсмертный час Христофор передал клинок:

— Может, кто из детей пойдет по военной линии... От меня вручишь!

Все трое сынов Христофора служили на действительной, участвовали в Отечественной войне. Но родительское оружие досталось самому младшему, Алексею.

Случилось это так. В голодовку умерла мать, и трехлетнего Алексея взяли родственники. Потом со старшими братьями и сестренкой Тоней он попал в детдом, затем опять вернулся в село и жил в семье дяди Константина. Подростком батрачил у мироедов, затем пахал землю на коммунарском поле. Когда началась коллективизация, тринадцатилетний Алексей оказался незаменимым помощником старших: он хорошо знал кулацкие тайники, шел туда, где взрослому было бы сложнее... Как-то кулацкие наймиты подстерегли его в балке — он нес почту из сельсовета,— избили и бездыханного бросили в реку. Женщины, выгонявшие поутру скот на выпаса́, нашли паренька в лозняке. Дважды в него стреляли, когда вновь стал появляться на улице. И тогда сельсоветчики, пригласив на свое заседание представителя Мариупольского военкомата, приняли решение: просить помощи у военных для определения сына красного казака воспитанником в военную часть.

— Со службой мне повезло,— вспоминает сейчас Алексей Христофорович.— Я попал в знаменитую Седьмую Самарскую дивизию, сформированную на базе Таращанского и Богунского полков. К шестнадцати годам окончил полковую школу и стал командиром отделения.

...В доме, где хранился клинок после смерти Христофора, в тот вечер собрались почти все родичи Возьяновых.

В то время еще крепкий, рослый буденновец Константин Юрьевич добрым словом приветствовал юного племяша, младшего командира, получившего за отличную службу внеочередной отпуск и приехавшего на побывку в родное село. Дядя Константин опять и опять заговаривал о дедушке Юрии и брате Христофоре, об их доблести, умении владеть оружием при защите родной земли... Где-то на полуслове своей прерывистой речи дядя Константин вроде запнулся и вышел в сени. Вскоре он, будто помолодевший, вернулся, неся на руках слегка выдвинутый из чехла клинок...

— Бери, младший Возьянов... Без нужды не вынимай, но если приведется вынуть — помни деда и отца!.. Тебе завещано оружие!

По казацкому обычаю тут же велел поцеловать клинок.

Вернувшись в часть, Алексей доложил комиссару Василию Ивановичу Бородину о необычном подарке, полученном из рук буденновца. В полковом клубе 28-го кавалерийского полка состоялся торжественный вечер, на котором Алексею Возьянову клинок был вручен как бы вновь, закреплен за ним официально.

Искусству рубки Алексей учился у командира эскадрона А. И. Кручинского, о котором тепло вспоминает до сих пор. В неполных восемнадцать Возьянов становится командиром взвода. В этой должности он участвует в освободительном походе в Западную Белоруссию, затем бои на Карельском перешейке. Великая Отечественная война застала его на западной границе.

...В поисках давних фотокарточек деда и отца Возьянова, в надежде на встречу с однополчанами этих героев мы с Алексеем Христофоровичем исколесили все Приазовье. Пришлось побывать и на Ставрополье, где в разное время служили все три обладателя клинка. В эти очень напряженные дни погони за отлетевшими в вечность яркими мгновениями прошлого, дни находок, встреч, разочарований на языке вертелся немного наивный, почти ребяческий вопрос: «Вот вы, Алексей Христофорович, законный наследник клинка... Где вы применяли это оружие?»

Помогли ребята, энтузиасты военно-патриотического кружка школы № 13. На встречу с ребятами был приглашен еще один воин из рода Возьяновых — Навка, двоюродный брат Алексея Христофоровича, Павел Павлович, стройный, прямой, ухватистый, он еще молод лицом, хотя уже на пенсии. Павел Павлович явился на слет юных патриотов при всех наградах, которыми была завешана его довольно-таки широкая моряцкая грудь. Прослужив всю войну на флоте, на эсминцах «Бодрый» и «Свободный», он достойно умножил своими подвигами славу дедовского оружия!

— Осторожно, дети! — начал с предупреждения свой рассказ о клинке Алексей Христофорович.— Это оружие и сейчас остро. Но пусть оно будет страшным лишь для врагов нашей земли...

— Расскажите!.. Расскажите!..

Впервые в Великую Отечественную войну, по рассказу А. Возьянова, клинок побывал «в деле» в ночь с 25 на 26 июня. Большая группа фашистов на мотоциклах и велосипедах прорвалась вслед за танками от Молодечно к Острошицкому Городку. В составе эскадрона 15-й погранзаставы А. Возьянову со взводом было приказано атаковать выдвинувшуюся механизированную группу. Атаковали двумя заходами: в лоб и с фланга... Сорок трупов солдат и офицеров оставили враги в низине под Острошицким Городком той ночью. Семь гитлеровцев нашли смерть от клинка Возьянова.

Очень много пришлось поработать клинку в боях и под Ельней.

— Однажды,— продолжает А. Возьянов,— мне пришлось испытать прочность златоустовской стали в поединке с вражеским конником, когда по всем правилам боя следовало выбить оружие из рук неприятеля и лишь затем зарубить его самого... Это произошло в районе станицы Обливская, когда окружали сталинградскую группировку Паулюса. На меня вышел фашистский офицер, как потом оказалось, итальянец. Офицер видел, что я на своем дончаке ниже, и ему сподручнее было ударить меня сверху, навесным ударом. Мне этот прием был известен еще со времени учебы у эскадронного Кручинского. Миг — и решение принято: сблизиться, придержать коня и ударить по палашу фашиста снизу... «Крепыш, стремя!» — успел я шепнуть коню, и мой боевой товарищ рванулся навстречу... Сблизившись с белым конем врага, мой Крепыш сделал стойку, затем резко, как могла выполнить не всякая, даже обученная лошадь, изогнул шею дугой, давая мне пространство для выпада клинком. Лязгнул металл, и палаш вражеского всадника разломился надвое. Из-за оскаленной морды белого коня я увидел округлившиеся в ужасе глаза офицера. Крепыш вьюном крутнулся и заступил дорогу белому коню... Через минуту все было кончено. После боя я подобрал перебитый палаш и прочел на нем знаки завода Круппа... На нашем клинке за всю войну, точнее сказать, за четыре войны не без труда отыщешь лишь две еле заметные вмятины. Много раз в бою я добрым словом вспоминал наших златоустовских умельцев, и тех, кто ковал наш клинок, и нынешних мастеров отечественного оружия...

В дни поездки по городам и селам юга мы не расставались с надеждой выяснить, сколько же раз отличились в боях за родную землю представители рода Возьяновых. Но подвести такой итог оказалось делом немыслимым: многие из семьи Юрия Юрьевича не вернулись с поля боя, другие, подобно буденновцу Емельяну, не сохранили своих наград, хотя хорошо помнят, когда и как награждались. Вместе с Христофором ушел на японскую его шурин, Валерий. Отличился там, но пал под Мукденом. В Отечественную погибли племянники Христофора Иван и Алексей. Целое племя отважных бойцов революции вырастила сестра Христофора, Екатерина Юрьевна: Константин был видным для своего края чекистом, Федор — комиссаром в продотряде... Сестра их, Анна Павловна, была отменной казачкой, не хуже мужчин владела искусством верховой езды, участвовала в гражданской войне.

Кроме Павла Павловича, семь раз награжденного за участие в морских десантах под Новороссийском и Севастополем, не однажды награждался родной брат Алексея Христофоровича, Иван. Его сын Федор, двадцатичетырехлетний солдат срочной службы, совсем недавно проявил личную инициативу и смекалку при выполнении ответственного задания командования.

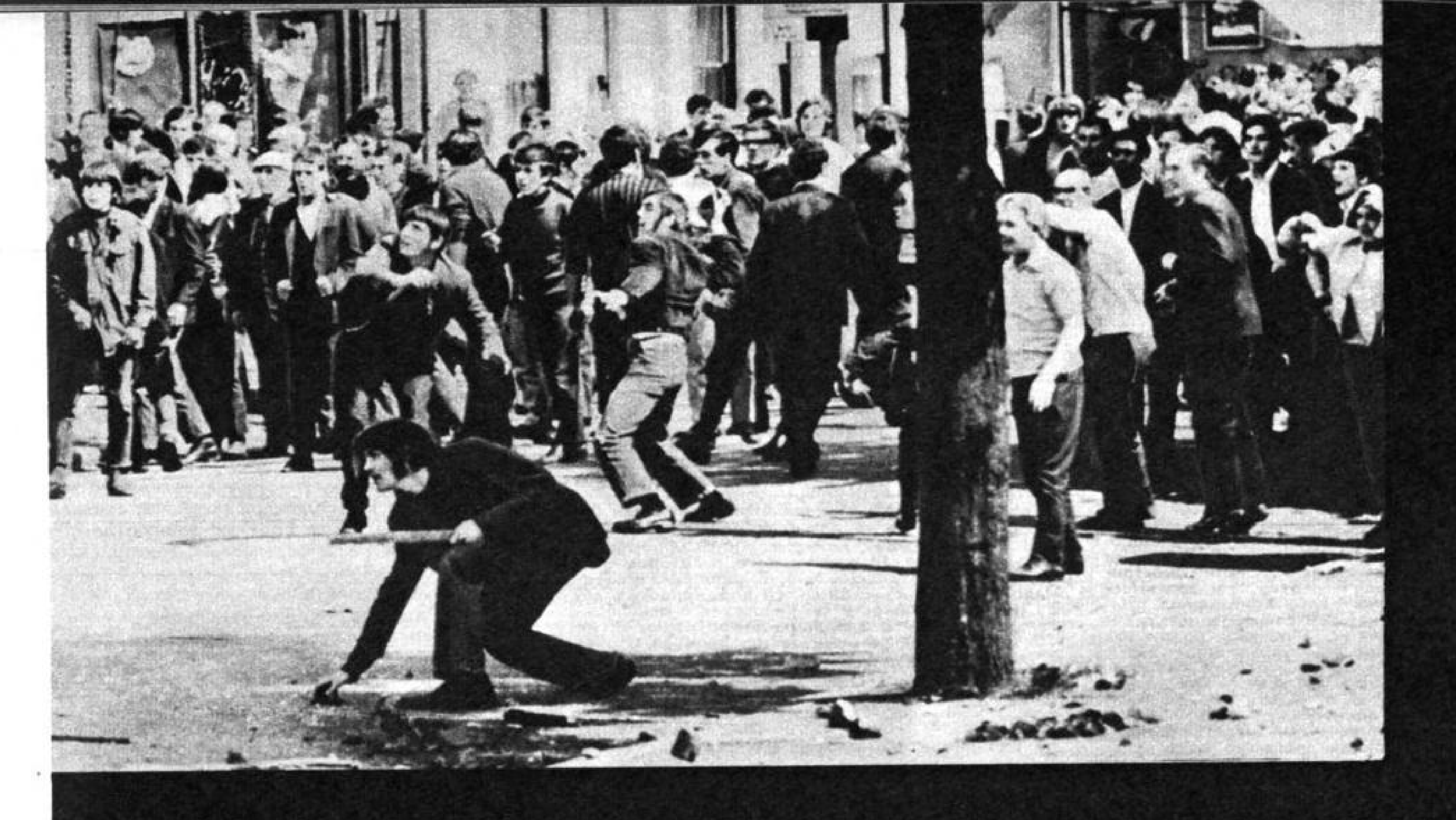
Не объехав и половины родственников, мы с Алексеем Христофоровичем, по самым придирчивым прикидкам, насчитали более 70 возьяновских наград.

Однако самой удивительной «находкой» в этой поездке по следам старинного русского оружия было открытие простой истины: род Возьяновых не был таким уж воинственным! По сигналам казачьих войсковых старшин и дед Юрий Юрьевич и Христофор прежде всего кидались не к седлам и оружию, а... к скрипкам. Оба они, по свидетельству старожилов, были великолепными музыкантами. Иван Хора вспоминает, что дружок его Христофор играл по просьбе однополчан мелодии своего края даже в окопах, на германской. За эту его редкую способность к музыке Христофора любили собратья по оружию не меньше, чем за храбрость. Еще лучшим музыкантом, сказывают, был Юрий Юрьевич. Тот выступал на сельских вечерках и свадьбах в паре с войсковым побратимом безногим солдатом, пришедшим за ним с русско-турецкой войны. Солдат подыгрывал ему в бубен...

Сейчас музыкальную линию предков продолжает младшая дочь Алексея Христофоровича и Зои Ивановны Возьяновых — третьеклассница Ирина. Она прилично играет на пианино.

Сталь и нежность! Клинок и скрипка... Значит, не одними воинственными кличами была озвучена жизнь наших предков. Не зря на их оружии мастера глубокой меткой наносили слова: «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай!» Поначалу было предупреждение «Без нужды не вынимай...» Суровая необходимость, высокая потребность времени, неизбежная нужда в защите родной земли заставляли представителей славного рода Возьяновых вспоминать о дедовском клинке. Желанными, всегдашними у них оставались стремление к труду, любовь к пашне, потребность в музыке. Такими были русские воины от веку, от дедов-прадедов. Все, не только Возьяновы. Вот почему так понятны заботливые слова Алексея Христофоровича, нынешнего хранителя клинка:

— Осторожно, дети!.. Клинок не забава... Он еще остер.

КРОВАВЫЕ БУДНИ ОЛЬСТЕРА

Джон ГРИТТЕН, корреспондент газеты «Морнинг стар»
Лондон. Специально для «Огонька».

Сто тысяч ирландцев в котелках и темных костюмах военным маршем прошли по Ольстеру — в Белфасте и других городах этого самого западного из Британских островов. Многие из них несли щиты, алебарды и другое старинное снаряжение. Оркестры играли военные марши в честь исторических побед. На громадных знаменах (настолько больших, что их несли по шесть человек) — портреты генералов, сражавшихся под этими знаменами еще триста лет назад.

Около двенадцати тысяч английских солдат и двести военных машин охраняли демонстрантов. В небе постоянно висели вертолеты.

Полмиллиона человек — представителей католического меньшинства с негодованием следили за демонстрантами, которые также живут в этом государстве, официально называемом Северная Ирландия.

Марши десятков тысяч протестантов, которые праздновали 280-летие победы войск герцога Вильгельма III Оранского над солдатами короля Якова II, явились прямой провокацией, оскорблением, которое наносится католикам каждый год. Этими «оранжистскими» маршами протестантское большинство заявляет: «Здесь мы хозяева. Нам принадлежит власть, и мы не намерены терять ее».

День победы падал на воскресенье, но набожные протестанты не могли проводить празднования даже такой «славной бессмертной победы Великого герцога Вильгельма III», и поэтому провокация была перенесена на следующее утро.

Все предыдущие годы празднования «оранжистов» сопровождались кровопролитием. Нынешняя провокация носила еще более опасный характер, так как ей предшествовали трагические события прошлых недель, когда английские оккупационные войска стреляли в невинных людей.

Но ни новое консервативное правительство в Вестминстере, ни юнионистское правительство в Стормонте (правительство Северной Ирландии), несмотря на серьезность ситуации, даже не сделали попытки запретить парады «оранжистов». Однако уже накануне были вызваны солдаты и полицейские. Поощряемые английским и стормонтским правительствами, «оранжисты» маршировали вблизи районов, населенных почти полностью католиками. Естественно, католики пришли в негодование от военных гимнов «оранжистов» и наносимых оскорблений.

Но антагонизм между католиками и протестантами в Северной Ирландии — это только внешнее выражение конфликта, который имеет глубокие политические, социальные и экономические корни. Чтобы понять нынешние события, необходимо коротко вспомнить всю предысторию этого разделенного острова, который назван «самой старой колонией Англии».

Актом английского парламента от 1920 года Ирландию разбили на две части, затем одна из частей откололась, и образовалась Ирландская республика. Вторая часть осталась под владычеством Великобритании и стала называться Северная Ирландия. Самая северная часть Ирландии — Ольстер состоит из девяти графств, три из которых относятся к Ирландской республике.

Все это говорит об искусственном разделе Ирландии, навязанном Англией. Северной Ирландии разрешено иметь свой собственный парламент из двух палат, который расположен в Стормонте. Однако он не имеет законодательных прав в области управления, армии, обороны и отношений с другими государствами. Из 52 членов парламента 12 входят в лондонский парламент в Вестминстере.

Главным политическим вопросом в шести графствах Ольстера является вопрос о национальном самоопределении и социальной справедливости.

Правящая партия Стормонта — юнионисты — сторонники союза с Англией стремятся увековечить религиозное сектантство как наиболее верный путь сохранения существующего положения. Еще в 80-е годы прошлого столетия, когда в Белфасте начали строить судостроительные верфи, их владельцы намеренно раздували религиозную вражду, что давало им возможность сохранить низкую заработную плату.

Всеми средствами правящие круги Северной Ирландии стремились сохранить раскол между протестантами и католиками. Они прибегали к дискриминации католиков, создавая из них граждан второго сорта. Юнионисты манипулировали избирательным правом, дискриминируя католиков, занимались махинациями в вопросах жилья, чтобы загнать их в настоящее гетто, и вынуждали эмигрировать.

В Северной Ирландии самый низкий во всем Объединенном Королевстве жизненный уровень рабочих и самый высокий процент безработных. Так как новые промышленные предприятия сконцентрированы главным образом в районах, населенных в основном протестантами,— вокруг Белфаста, безработица в таких городах, как Гьюри, Страбэн и Дерри, хронически держится на уровне 15—25 процентов.

Волей английского правительства в Северной Ирландии возникло поистине полицейское государство с полувоенными организациями типа «Ройял Ольстер констэбьюлари», «Би-спешиалз», которые имеют право без ордера на арест заключать каждого в тюрьму без суда и следствия.

Естественно, что народ не раз выступал за свои права, особенно наиболее обездоленное католическое меньшинство, составляющее треть всего населения. Борьба за гражданские права была начата еще в 60-е годы левым крылом профсоюзного движения. Сегодня в этой борьбе участвуют националисты, республиканцы, представители профсоюзного движения и коммунисты.

Орден «оранжистов», зародившийся в XVII веке, помогал правящему классу протестантов закрепить свою власть над бедняками и стоял у власти в течение 50 лет.

Впервые в истории борьбы объединились два течения — националистов и рабочее движение. В ответ на это протестанты-экстремисты, возглавляемые пастором Яном Пэйсли, усилили свою агрессивность. Юнионисты запретили демонстрации за гражданские права.

Но движение разрасталось. В октябре 1968 года в присутствии нескольких членов английского парламента полиция жестоко расправилась с демонстрантами, затем последователи Пэйсли разгромили еще одну демонстрацию при полном бездействии полиции. Все эти события поставили шесть графств Ирландии в центр внимания мировой общественности.

Юнионистское правительство переживало внутренний кризис, и было вынуждено пойти на некоторые уступки, и пообещало осуществить программу экономических и политических реформ.

Этот процесс на деле оказался слишком медленным и ограниченным. Но одним из его результатов было возвращение в вестминстерский парламент Бернадетты Девлин, католички и борца за гражданские права Через два месяца после этого в результате всеобщих парламентских выборов Бернадетта Девлин, а также еще два представителя различных направлений движения за гражданские права были вновь избраны в парламент Великобритании.

Решающим поводом к последним волнениям явилось заключение в тюрьму Бернадетты Девлин. Снова вспыхнула массовая борьба, и вновь английские солдаты были пущены в ход.

Во время двух последних уикэндов в католических районах Белфаста проходили марши «оранжистов». Трижды католическое население подвергалось нападениям. Участники марша подожгли католическую церковь. Началась перестрелка. Сотни человек были убиты и ранены.

В этот момент новый министр внутренних дел Великобритании Реджинальд Модлинг дал приказ вернуть членам «Ройял Ольстер констэбьюлари» их оружие и разрешить близкое сотрудничество с британской армией.

Английские солдаты напали на католические районы Белфаста. В солдат полетели бутылки и камни. Они ответили слезоточивыми газами. Католики стали строить баррикады. Но 1 500 хорошо вооруженных английских солдат прорвали баррикады, превратили район в развалины, введен комендантский час.

И в такой взрывоопасной атмосфере правительство Великобритании позволило провести провокационные парады экстремистов.

(Через АПН).

ЖИЗНЬ НА ГРЕШНОЙ ЗЕМЛЕ

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

5

В родные места он приехал ранней весной, когда над Енисеем кричали журавли.

Но с какого боку приткнуться к жизни? Ни на что хорошее он уж не надеялся, отвык от хорошего. И, внутренне чувствуя, что пытает судьбу в последний раз, прямо с поезда пошел в райисполком.

— Объясни мне, значит, гражданин начальник, что я такое за человеческое чучело? В том смысле, стоит дальше мне жить али в самом деле солнечным светом я не имею права пользоваться? — спросил он, зайдя почти без спроса у тонконосой секретарши в кабинет самого председателя райисполкома.

Фамилия у председателя была Агафонов. Толстый, неповоротливый, с заплывшей нездоровым жиром шеей, он, прихмуривая брови, с любопытством оглядывал посетителя.

— Начальник-то я начальник... видишь, раскормленный какой. А все-таки не гражданин, а товарищ... Из заключения, что ли?

— А для меня вся земля — тюрьма без решеток.

— Ишь ты, — усмехнулся тучный Агафонов. — Злой какой. А я вот стих однажды где-то читал: «Солнце светит всем — слепым и зрячим. В этом и величие его...» Это как?

— Слова-то можно по-всякому составлять.

— Н-да... — Агафонов все так же внимательно разглядывал Демидова. — Ну-ка, чучело себя замучило, рассказывай...

И впервые за многие годы почувствовал Демидов, что не вся земля в подлецах, слишком большая она для этого.

Он рассказал толстому Агафонову о своей жизни все, не утаив даже и малейшей подробности. Тот слушал не перебивая, только хмурился и мял кулаком жирный подбородок.

— Н-да... — опять произнес он, когда Павел кончил. — Что я тебе скажу, товарищ Демидов? Зло — оно само себя показывает, а добро еще увидеть надо.

— Это как же понять?

— А так... Я вот думаю: самое полезное для тебя сейчас будет пожить где-нибудь в стороне от людей, один на один с природой. Пособлю я, скажем, бакенщиком тебе устроиться на Енисее. А еще лучше лесником.

— Значит, возле людей мне так и нету теперь места? — Вся удушливая горечь опять прихлестнула к самому горлу.

— А ты поверь мне, Демидов. Вот хозяйка хлеба из печки когда вынет — сперва в прохладное место их составит, полотенчиком чистым прикроет. Отдохнуть от жара. И отмякнет он, хлеб, духу земного вдруг наберет. А люди? Людей и в лесу много.

— Ты из крестьян видать? — Горечь сама собой отхлынула от горла, только на Агафонова смотреть почему-то было неудобно, ощутил он ни с того ни с сего и какую-то вину перед этим человеком.

— Нет, я таежник в прошлом. И лесником долго служил. Вот сейчас как вспомню — заноет сердце от тоски. Лес, природа вообще — это высший разум, какой есть под солнцем. Научишься все это видеть и понимать — и обнаружишь в себе человека. А это для тебя еще задача, уж поверь мне.

Демидов и понимал и не понимал, о чем говорит Агафонов. Но чувствовал — надо ему верить. И неожиданно для себя произнес:

— Да-а, хороший ты, должно быть, человек.

— А это люди по-разному считают, — усмехнулся Агафонов. — Так что ж, позвонить мне насчет тебя в лесничество? Не подведешь меня?

— Ты мою жизнь всю слыхал. Меня вон сколько подводили, а я вроде никого пока.

— А ты поубавь-ка злости! — рассердился вдруг Агафонов, покраснел, как от натуги. — «Меня вон сколько»... А сколько? Все люди будто тем лишь и занимались. Один раз только, один подлец... Это надо тебе сразу, тут же понять!

— Оно и раз, да досыта. Он, сволота, так и сказал: «Икать всю жизнь будешь». И вот наикался! Меня тоже понять надо.

— Значит, ты ему не простишь? Мстить собираешься? — Агафонов, взявший было телефонную трубку, положил ее на место.

— А он что, Макшеев, живой? — быстро произнес Демидов. — Ты знаешь его?

— Не знал бы, может, и небывалым посчитал все, что случилось с тобой.

— Где ж он живет-поживает?

— Там же и поживает, в Колмогорове. Женатый на этой твоей Марии.

Демидов сидел, согнувшись, уперев локти в колени, лицо уронил в ладони, тяжко, с загнанным хрипом дышал. Агафонов не говорил теперь ни слова. Павел знал: он ждет ответа на свой последний вопрос.

— А ты... ты вот простил бы ему, довелись это с тобой? Ты не отомстил бы?

— Я? Простить — не знаю, не простил бы, кажется. А мстить, мараться об него — побрезговал бы. Себе дороже.

— А я себя дорого теперь не ценю! — со злостью выкрикнул Демидов.

Они помолчали, будто каждый размышлял теперь про себя, что же им делать, как разойтись. Наконец Демидов произнес с трудом, не глядя на Агафонова:

— И дети у них... у Макшеевых, имеются?

— Двое, кажется, сын и дочь.

Демидов еще посидел немного и, гремя стулом, тяжело, неуклюже поднялся.

— Ладно... Не встреть я тебя... такого — кроваво отомстил бы ему. Теперь не трону. Действием не трону. А простить, как и ты вот говоришь, не смогу. Это уж как хочешь.

— Как понять — «действием не трону»?

— Неужели непонятно?

— Чем же тронешь?

— Не знаю. Ничего не знаю. Позвони в лесничество.

Попрощавшись, пошел из кабинета, но вдруг остановился, проговорил:

— Это вот про стих — хорошо ты. Солнышко светит всем — и зрячим и слепым. Ведь просто, а верно.

— Правильно, Демидов! — обрадованно, с облегчением, как показалось Павлу, произнес Агафонов.

— И еще, должно быть, ты верно сказал: это для меня задача — обнаружить в себе человека. Тут ты корень какой-то глубокий задел.

— Не задача, а ползадачи уже, — улыбнулся Агафонов.

— Нет, обманываешься, — упрямо повторил Демидов. — Что ум рассудит — то еще сердце пронять должно. А это задача.

6

...И стал работать Демидов лесником близ Колмогорова.

Прав оказался толстый Агафонов. Вечный шум леса, птичьи звоны, говор таежных речушек действовали успокаивающе, душа Демидова отходила. Прав он был, что и людей в лесу много: охотники, рыбаки, ягодницы, грибники... Не было и дня, чтобы он не встретился с кем-то из людей, со многими подружился даже. Таким указывал лучшие ягодные, рыбные и грибные места.

С удивлением он обнаружил, что люди как-то быстро располагались к нему, молодые звали дядя Паша, а кто постарше — Павлом Григорьевичем. И он заметил еще: всегда доверчиво относились к нему бабы-ягодницы, без опаски шли за ним в самые глухие места, какие бы он ни указывал. Видно, молва шла о нем хорошая, добрая. И то сказать — ни разу ни одним словом, ни намеком не обидел он ни одну женщину.

Не удержался он лишь однажды, когда незнакомая колмогоровская — видно, из приезжих — бабенка Настасья откровенно упрашивающим взглядом заставила его присесть с ней на ласковую травянистую полянку. Было ей лет под сорок, крепкая и чистая, она и потом иногда прибегала к нему в лес, приходила, таясь и краснея, в его сторожку, ночевала иногда. Она, овдовевшая еще в сорок четвертом, согрела его щедрым женским теплом, пробудила в нем что-то неприятное, тоскующее.

Продолжение. См. «Огонек» № 29.

— Вышла бы я за тебя, Павел,— сказала она однажды.— И не было бы счастливей меня бабы... Да не могу, дети отца живого помнят, не примут никогда тебя. Переломается все в душе их...

— Ты, Настасья, хорошая, сердце у тебя золотое,— ответил ей на это Демидов.— Но не обессудь — не взял бы я тебя. И никого никогда не возьму, один буду...

— Это почему, Павел? — спросила она, глядя на него с материнской тревогой.— Я вот давно примечаю: замерзлая у тебя душа будто, захлопнутая какая-то. Что такое у тебя в жизни вышло? Человек ты добрый, ласковый, а вот один. Попиваешь чуть не каждый день... Отчего?

— Не спрашивай об том. Не к чему людям знать...

— Как там Макшеевы у вас живут? — спросил он у нее однажды.

— Денис с Марией-продавщицей, что ли? А кто их знает... Денис этот — клещ из клещей, должно. А тебе-то почто? — спросила она, ревниво пошевеливая бровями.

— Так... Знавал я их в молодости. Потом... Потом уехать с этих мест надолго пришлось. А это как — из клещей?

— Сосет он, сдается мне, кровь из бабы. Он на фронте был, приехал с костылем, привез две брички всякого барахла — не знаю уж, кто ему надавал его. Подарки, говорит, герою-фронтовику. Дом сразу крепкий поставил. Да и без подарков этих жизнь у них — полная чаша. Продавщица она, Мария, без стыда обвешивает, обсчитывает, обмеривает. И, окромя того, без совести ворует.

— Ты откуда знаешь? — с обидой даже спросил Демидов.

— Я что, слепая? Да и люди говорят. Еще когда он на фронт поехал — жену продавщицей поставил. Он, говорят, до войны председателем сельсовета был. От какого-то поджигателя колхоз, что ли, спас, ну, его в председатели и выбрали.

— Во-он что,— буркнул Демидов.— Как героя...

— Герой. Сейчас боров боровом, а не работает. Инвалид войны, говорит. Костыль давно бросил. А слух в народе живет — жену с магазину все тянуть заставляет. Даже бьет, говорят, коли за месяц меньше его расчету стащит.

— Так уж и бьет? Так уж и план ей на воровство спускает? — опять с явной обидой промолвил Демидов.— Кто этому свидетель?

— От людской молвы чего утаишь...

— Мало ли о чем болтают...

— Павел! Ты спрашиваешь, я отвечаю, как оно есть. А ты будто обижаешься на мои слова. Что они тебе, Макшеевы?

— Ничего.

Так и не разъяснил ей ничего Демидов, оставил в недоумении.

То, что рассказала ему Настасья, Павел знал. Все говорили примерно одно и то же. И ненависть к этому человеку наслаивалась слой за слоем, росла, как снежный ком, катящийся с горы.

Лицом к лицу с Денисом, однако, никогда не встречался, хотя рядом с ним бывал часто. Поедет ли Макшеев за хворостом, пойдет ли ловить рыбу — рыбак он был заядлый, ловил, правда, всегда удочкой, не браконьерничал,— Демидов, научившийся ходить по лесу бесшумно, не один километр прошагает, бывало, за ним следом, не один час просидит в береговых зарослях, наблюдая, как таскает Денис окуней или хариусов. Ловя рыбу, он глох ко всему окружающему, лицо его делалось бессмысленно счастливым, удовлетворенным. Сняв с крючка сильную рыбину, он почти каждую, прежде чем бросить в ведро, некоторое время держал в руке. И Павел, глядя на Макшеева, догадывался и понимал, что тому нравится ощущать, как упруго выгибается рыбина, бессильная теперь вырваться из его кулака.

В сердце Демидова в такие минуты толчками долбила кровь, мелькала, затуманивая глаза, страшная мысль: прицелиться из ружья в это взмокшее от животной радости лицо, да и... Но каждый раз в ушах колотились со звоном слова Агафонова: «А мстить, мараться об него — побрезговал бы...»

С Марией Демидов тоже никогда не встречался, водку, к которой, отчетливо сознавая весь ужас этого, пристрастился окончательно, покупал в соседних деревушках. Но однажды, понаблюдав вот так за Макшеевым, не таясь вышел из кустов и, закинув ружье за спину, пошел в Колмогорово. Макшеев, увидев поднявшегося из зарослей бородатого человека, вздрогнул, вскочил на ноги. Узнал или нет Макшеев его, Павел понять не мог, но видел, что тот испугался смерти, даже челюсть бессильно отвисла.

«Не узнал, где узнать...— думал Павел всю дорогу, вплоть до деревни.— А в штаны наклал, дядя. Не тот, видать, стал ты, Денисий. Ну, погоди, погоди... Действием я тебя и в самом деле не трону...»

Демидов направился было к магазину, но на дверях висел замок. Тогда он спросил у кого-то, где живут Макшеевы.

Через порог их дома он переступил, зная, как отомстить Макшееву за изломанную свою жизнь. Переступил и сказал жене Дениса, которая гладила электрическим утюгом белье:

— Здравствуй, Марька. Вот я пришел... Должок твоему мужу отдать.

— Какой должок? — повернула она красивое лицо к Демидову.— Ты кто такой? Чего у Дениса брал?

— Да я ничего. Это он у меня брал. Всю жизнь он у меня взял...

— Погоди, что мелешь? Какую жизнь?..

— А какая бывает у человека? Взял и переломил через колено, как сухой прутик.

И, прежде чем замолк его голос, узнала она, кто стоит перед ней, опустила раскаленный утюг на дорогую шелковую рубашку мужа. Вмиг отлила вся кровь с ее лица, глаза сделались круглыми, закричали беззвучно от боли. А голосом, глухим и осипшим, произнесла:

— Павел...

Отмахнулась дверь, вбежал Денис Макшеев. Он, видимо, шел, обеспокоенный до края, следом за Демидовым. Вбежал, глянул с порога на Павла, челюсть его опять отвалилась и теперь затряслась. Заблестели в темном рту металлические зубы. Мария отшатнулась к мужу, и оба они раздавленно прижались у стены.

— Это он, он... Павел Демидов! — выдохнула Мария.— Откуда ты?!

— Я вижу, вижу...— как ребенок, проговорил Макшеев. Глаза его трусливо бегали, не зная, на чем остановиться.

— С того света,— усмехнулся Демидов.

— Я говорила, он придет, придет...

Запахло паленым. Демидов, не снимая ружья с плеча, подошел к столу, поднял утюг.

— Какую рубаху спортили,— сказал он ровно, без сожаления. Потом сел тут же, у стола на табурет, поставил ружье между ног.— Ну, слушай, Мария, чего он у меня взял, какой долг я должен заплатить ему. Я все расскажу, а ты, Мария, запоминай...

И он долго рассказывал им, не торопясь, без злости в голосе все-все, как рассказывал не так давно Агафонову. Рассказывал будто о ком-то постороннем, а они слушали, все так же прижавшись друг к другу, не шелохнувшись, не в силах прервать его. Лицо Макшеева только мокло все обильнее, с него капало.

— Ну, а остаток жизни мне ни к чему теперь, не дорожу я им,— стал заканчивать Демидов.— Но уйду я в могилу чуть попозже тебя, Денисий. То есть прежде расплату с тобой произведу по чести. Я мог бы сотню раз уж произвесть ее. Давненько уж этак: ты по лесу идешь или едешь, а я следом, незамеченный, за тобой, скрадываю тебя, как зверя. Сегодня, к примеру, с самой зари наблюдал твое рыболовство. Или сейчас вот: кто мне помешает расплату сделать? Патрон для тебя давно тут приготовлен.— Демидов похлопал по ружью.— Но... охота мне, дядя, поглядеть, как ты к смерти готовиться будешь. Так что давай. Бить я тебя перед этим, как ты меня, не буду. При-

стрелю просто, как только где... в лесу ли, в поле ли попадешься мне в ловком месте.

И встал, пошел к порогу.

— Врешь... не посмеешь! — скрипуче выдавил из себя Макшеев, стирая ладонью пот со щек.

— Ну, я сказал, а ты слышал,— произнес Демидов спокойно, зная, что Макшеев помнит свои слова...— Судьбу свою ты добровольно выбрал.

И, не глядя больше на них, вышел.

7

И началась у него с Денисом Макшеевым жизнь, как игра в кошки-мышки. Макшеев Денис поверил всем его словам до единого, перетрусил до края, рыбалки прекратил, во всяком случае, в одиночку рыбачить теперь никогда не ходил, держался все время на виду у людей. Демидов в неделю раз ходил в магазин Марии за водкой, за всякой снедью и, если в магазине никого не было, спрашивал:

— Как он там, Денисий наш с тобой? Еще жива душа в теле?

Сперва Мария молча отпускала ему товар, брезгливо бросала на прилавок бутылки, сохраняя на красивом лице оскорбленную гордость. Потом начала пошмыгивать носом, беззвучно плакать. А однажды истерично разрыдалась:

— Изверг ты, паразит! Закрыл ты нам все небо.

— Почему вам? Ему только. Тебя вот, детей твоих я не трону. Пущай растут.

— Да ведь это, ежели обсказать кому, пожаловаться властям-то, чем ты ему грозишь?!

— А что ж не жалуется? Я разве запрещаю? Пущай идет куда надо, все обсказывает — за что я его хочу, почему... Да и ходить не надо, с участковым милиционером, гляжу, подружился, на рыбалку вместе похаживают. Пусть ему и обскажет все, признается, кто колхозную ригу сжег тогда...

— Как я ненавижу тебя! Как ты встрял поперек моего пути, душегуб проклятый!

— Эвон что! А я так тебя жалею.

— Что-о? — заморгала она мокрыми ресницами.

— А только не убережет его никакой милиционер, так и передай своему Денисию,— ожесточась, пообещал Демидов.

Вскоре Макшеевы быстренько собрались, продали дом и уехали, держа свой маршрут в тайне. Демидов усмехнулся, пошел к железнодорожному кассиру, тоже рыбаку, с которым познакомился в тайге. Тот, ничего не подозревая, сообщил, что взяли Макшеевы билеты, сдали багаж до одной маленькой станции на берегу Байкала. Демидов уволился с работы, попрощался с плачущей Настасьей, поехал следом. Там поступил опять в лесники, со стороны наблюдал, как устраивались на новом месте Макшеевы. Купили они хороший дом. Мария, как и прежде, стала работать в магазине.

И однажды ранним утром, подождав, пока Макшеев наладит и закинет в озеро удочку, вышел к нему на берег, не снимая с плеча ружья.

— На новоселье, что ль, решил рыбки подловить? Пригласишь и меня, может?

Словно током стегануло Макшеева, вскочил он, сделал шаг назад по обломку скалы, чуть не упал в холодную байкальскую воду. Лицо его было зеленым, под цвет этой воды.

— Не бойся, сейчас не трону, людно тут. Эвон рыбаки на баркасах плывут на промысел.

И повернулся, ушел в тайгу, которая начиналась прямо от берега, оставив ошеломленного, забывшего про свои удочки Дениса на обломке скалы.

...И еще раза два-три меняли местожительство Макшеевы, надеясь скрыться от Демидова. Но он был теперь начеку, следил за каждым их действием, заранее знал их конечный путь. И объявлялся там, едва они как-то устраивались.

Доведенный до отчаяния, Макшеев как-то, пьяный, выкрикнул в лицо Демидова:

— Отравлю, отравлю я тебя, паразита! Заставлю Марию в водку... или в продукт какой мышьяку подсыпать! Сдохнешь, как крыса...

На это Демидов расхохотался прямо ему в лицо и сказал:

— Вот бы хорошо-то! И рук бы я об тебя не замарал, и в тюрьму с Марькой вместе вы бы до конца жизни угодили. Давай... Мне-то жизнь моя так и так не нужная, а ты спробуешь, что оно такое — тюрьма. Узнаешь, каково оно мне было, об своем поганом нутре поразмышляешь. Время для этого там хватит тебе...

Иногда Демидов думал: неужели Макшеев не догадывается, что он, Демидов, ничего ему не сделает, пальцем даже не тронет, что все его угрозы — пустые звуки? И отвечал себе: видно, не догадывается, дурак. И пусть...

Думал также иногда: а не жестоко ли он наказывает Макшеева? Ну, сделал тот подлость. Что ж, бог, как говорится, пущай простит ему. Худо ли, бедно ли, жизнь его, Демидова, как-то теперь идет. Девчушку удочерил вот, растет она, приносит ему много забот да еще больше радостей. Теперь и жениться бы, да где найдешь такую, как Настасья. Пить бросить бы, да разве бросишь...

И обливалось сердце Демидова едкой обидой, опьяняла его эта обида пуще водки: нет уж, пущай мразь такая, и он до конца чашу свою выпьет!

Но все же, наверное, давным-давно отстал бы Демидов от Макшеева Дениса: отходчив русский человек, какую-какую обиду только не простит — если бы не убеждался время от времени, что душа Дениса еще подлее становится. Нет, угрозы насчет мышьяка Павел не опасался, потому что понимал: Макшеев на это никогда не решится, подлость его особого рода...

Как-то Мария, выдавая Демидову очередную партию зелья, сказала:

— Зайди к нам, Павел... Денис просил позвать. Поговорить хочет с тобой по-деловому.

— Как, как?

— По-деловому, сказал он.

— Интересно это, однако. Айда.

Денис встретил его, сидя за столом в рубахе-косоворотке. Руки его лежали на столе, пальцы беспрерывно сплетались и расплетались, глаза виляли из стороны в сторону.

— Интересно даже мне, говорю. Ну!

— Выйди, Мария. Дверь babприпри! — приказал Макшеев.— Значит, вот что, Демидов, давай по-мужски. Мне от тебя терпежу больше нету, и я решился...

— На что?

— Не перебивай...— Он опять повилял глазами.— Ты ж понимаешь, я пойду и заявлю: преследуешь ты меня... Угрозы теперь делаешь всякие за то, что разоблачил тебя тогда как поджигателя. И мне, а не тебе поверят.

— А мне это без внимания, что поверят,— усмехнулся Демидов.— Я свое отсидел и пока с тобой не поквитался — никто больше меня не посадит, заявляй не заявляй...

— Ты погоди...

— А славу себе создашь у людей... Они, люди-то, не знают твоего черного дела, так узнают.

— Погоди, говорю...— Голос его был торопливый и заискивающий.— Давай, чтоб с выгодой и для тебя и для меня.

Сузив глаза, Демидов пристально глядел некоторое время на Макшеева. Спросил:

— Это как же?

— Что было меж нами — прости... Покаялся уж я бессчетно раз. Да что ж, не воротишь. Теперь девчушку вот ты взял, ростишь...

— Говори прямо, сука! Без обходов.

Макшеев будто не слышал обидного слова.

— Возьми от меня деньги, Павел. Много дам...— Макшеев дышал торопливо и шумно.— Вот, если прямо... Оставь только нас с Марией.

— Так... Сколько же?

—Целую тысячу дам. Дочку тебе растить... Еще больше дам!

— Краденых? Марией наворованных?

— Ты! —Макшеев вскочил, чуть не опрокинув стол. Грудь его ходуном ходила.— Тебе что за забота, какие они?!

Демидов шагнул было к Макшееву, тот откачнулся.

— Дешево, выродок ты человеческий, откупиться хочешь,— раздельно произнес Демидов и ударил ладонью двери, выбежал, будто в комнате ему не хватало воздуха.

В сенях он услышал рыдание Марии, примедлил шаг. «Как ты только живешь с ним, с таким?» — хотел сказать он, но не сказал. Шаг примедлил, но не остановился.

В другой раз случилось еще более страшное. Было это в причулымской тайге в конце мая или в начале июня — в ту пору уж замолкли соловьи, но кукушки еще продолжали кричать тоскливо и безнадежно.

Примерно в полдень, когда лес был пронизан тугими солнечными струями и залит хмельным от млеющих трав жаром, у сторожки Демидова появилась вдруг Мария с плетеной корзинкой в руках.

— Ты? — удивленно спросил Павел.

— Вот... грибков поискать.

— Какие пока грибы?

— Масленки пошли уж, сказывают. Места тут незнакомые мне еще, укажешь, может.

Мария говорила это, поглядывая на возившуюся со щенком приемную дочь Павла Надежду, и лицо ее то бралось тяжелой краской, то бледнело, покрывалось серыми, неприятными пятнами.

Одета она была не по-грибному легко и опрятно, в новую, голубого шелка кофточку с дорогим кружевным воротником, в сильно расклешенную, не мятую еще юбку. Вырез у кофточки был глубокий, оттуда буграми выпирали, как тесто из квашни, рыхлые белые груди, умело прикрытые концами прозрачного шарфика, накинутого на плечи.

— Ты как невеста,— сдержанно усмехнулся Демидов, запирая в себе ярость.

— Что ж... я пришла,— проговорила она, не глядя на него.— Веди на грибное место.

— Что ж... пойдем,— в тон ей ответил Демидов.— Ружье сейчас возьму вот.

Догадка, зачем явилась Мария, мелькнула у него сразу же, едва он увидел ее, подходящую к сторожке. Мелькнула, сваривая все внутри: «Неужели и на этакое она... они, Макшеевы, способны?!» Теперь, после ее слов, всякие сомнения на этот счет исчезли...

Полтора года назад приехали сюда, в Причулымье, Макшеевы. Следом, как обычно, явился и Демидов.

— Я тебе давал деньги большие? Давал! — закричал, обессиленный в конец от такого неотступного преследования, Макшеев, встретив Демидова в поселке.

— Давал, давал,— согласился Павел.

— Что ж тебе еще-то надо? Скажи, сволочь ты такая, что?! Какую плату заплатить, чтоб отстал? Дом мы тут купили крестовый, просторный — возьми со всем, что в нем есть. Получай его в придачу к тем деньгам, что обещал, и живи...

Демидов принял дозу спиртного, ставшую давным-давно привычной для него, был добродушен, в хорошем настроении. Бессильная ярость Макшеева веселила его.

— А что ж, надо прикинуть. Значит, те деньги да дом...— проговорил он задумчиво.

— Ну? Бери, бери!

— Н-нет, мало. Еще должок с Марии остается.

— Какой? — осипшим голосом спросил Макшеев.

— Ишь ты! С чьей кровати ты увел-то ее?

— Н-ну?

— Пущай и она расплатится со мной,— жестко сказал Демидов и пошел прочь, оставив Макшеева столбом стоять посреди пустой улицы.

Демидов сказал и забыл, сказал просто так, чтобы еще больше позлить врага своего. Что ему дом, деньги и все прочие блага мира! Простил бы он своего обидчика и так, если б мог. Да не может...

А Денис Макшеев, видно, принял его слова за чистую монету, и вот решились они, Макшеевы, вот явилась к нему Мария, не понимая, не догадываясь, что не прощение принесет из тайги своему Денису, а еще большую его, Павла Демидова, ненависть. Вот идет Мария чуть впереди, в общем, ладная, пышнотелая женщина, мелькают ее крепкие, в тонких дорогих чулках ноги, она не подозревала, что внутри у Павла все немеет и немеет, будто стылью берется, что хочется ему схватить палку, сук какой-нибудь и обломать его об это бесстыжее, раскормленное тело.

Что ж, так оно примерно все и произойдет, решил про себя Демидов. Но перед тем хочется ему еще кое-что спросить у Марии, узнать хочется, до какого предела может быть человеческая низость.

— Нету еще грибов, Мария,— сказал он, останавливаясь на глухой поляне, полыхающей таежными цветами.— Поздно нынче пойдут грибы, и мало их будет. В первый день масленки снегу не было, не шел снег, значит, и не грибное нынче лето будет.

Он сел в траву, поставив ружье под дерево. Мария опустилась на корточки, начала рыться в корзинке, вынула и поставила на траву бутылку.

— Раздевайся! — бросил он ей отрывисто.

Она вздрогнула, медленно, с трудом выпрямилась, руки ее упали вдоль тела.

— Павел...— Лицо ее опять пошло пятнами, вспухло, будто его наели комары.— С ходу-то этак... Может, выпьешь сперва?

— Стыдно, что ль, на трезвые глаза? Сымай, сказал, все с себя.

Она еще раз вздрогнула, стащила с головы шарфик. Чуть отвернулась и начала снимать чулки...

Демидов сидел, опустив голову; он не видел, но чувствовал, как она с трудом расстегнула и стащила кофточку, сбросила юбку, оставшись в нижней рубашке.

Ему стало жалко ее. Возникли вдруг, поднимаясь откуда-то изнутри, злость и презрение к самому себе за то, что он заставил ее раздеваться.

— Вот что скажи, Мария... объясни. Как это вы договорились до этого? Словами ведь, поди, разговаривали? Днем али ночью это было? Как... как решилась ты?!

— Как, как?! — Полное тело ее все тряслось, волосы рассыпались, щеки, губы расквасились от слез.— Он меня поедом съел. Не убудет от тебя, он, может, отстанет тогда от нас...

— А ты?

— Что я?

— В самом деле противно тебе?

Она замолчала, молчком вытирала слезы.

— Не знаю... Когда-то я любила тебя. Иногда думаю: счастливая ведь я была бы с тобой, кабы не он.

— Что ж не уйдешь от него?

— Не уйдешь... А куда? К кому? Ты разве принял бы меня теперь?

В голосе ее было что-то такое, неподдельное, какие-то тоскливые нотки. Ему еще более стало жаль Марию.

— А вот, допустим, принял бы. Ты видишь, я не женюсь. А почему?

— Павел?! — Глаза ее, мокрые, широко раскрытые, сгорали от изумления.— Неужто... Неужто еще ты меня... еще осталось что у тебя ко мне?

— Нет, ничего не осталось,— ответил он.— Все спалила тюрьма, плен потом.

— За плен-то Денис не виноват. И без того на фронт тебя взяли бы, а там могли тебя захватить...

— Ишь ты, хоть где-то, да оправдываешь его? Как все вывела...

Мария испугалась этих слов, сказанных сурово и враждебно, горячими ладонями схватила его руку, но тут же выпустила, чуть отшатнулась, проговорила, торопясь:

— Я не оправдываю! Я не оправдываю...

— Вот езжу опять же за вами, таскаюсь, как хвост.

— Так это известно — зачем, почему.

— Известно.— Он скривил губы.— Людям известно, что Христос по морю пешком ходил. А никто этому всерьез и не верит.

Прилетела тяжелая от взятка пчела, повилась вокруг полураздетой Марии, села зачем-то на ее оголенное плечо. Мария даже не заметила этого. Она все так же изумленно, широко раскрытыми глазами смотрела на Павла, открытый лоб ее бороздили временами набегавшие морщины.

— Нет, я не смогла бы с тобой.

— Почему? Противный шибко стал? Не противней вроде твоего Денисия.

— Не в том дело. С лица воду не пить.

— Почему ж тогда?

— Ты ж, я чую, запретил бы мне... работать в торговле.

— А зачем? — усмехнулся он.— Работа для людей нужная.

— Ну, не позволил бы... Этого...

— Воровать? — подсказал ей Демидов.

— Фу, какое слово!

— Обыкновенное. Воровка ведь ты.

— Ты! — Она тяжело и гневно задышала.— Ты так понимаешь жизнь, а я — этак. Жить надо умеючи, как... как...

Она совсем задохнулась, и Демидов опять подсказал ей:

— Как Денисий научил тебя?

— Да, научил! — истерично выкрикнула она.— Он, Денис, не в облаках летает, на грешной земле живет. Он цепкий, не проворонит, что мимо рта пролетает... Он такой, я это еще тогда почувствовала, когда женихались мы с тобой. Он человек жесткий, да... Рука у него тяжелая, да — мужик! Он на что угодно пойдет, лишь бы место половчее... потеплее под солнышком отвоевать. А ты что такое? Всю жизнь так в тайге и проживешь. Если бы принял ты меня, говоришь? А жить на что бы стали? На твою лесниковую зарплату? Смех один, а не деньги. По миру пойти — больше собрать можно за день...

Она говорила еще долго, он слушал, покачивал иногда головой, будто соглашался. Потом взял ружье и зачем-то отстегнул от него широкий, тяжелый, залоснившийся от грязи и от пота ремень.

— Ты что? — сразу спросила она, умолкнув на полуслове. Брови ее изогнулись и поползли кверху, обещая вот-вот разломиться.

— Он и на это, значит, пошел, чтоб спокойствие на земле обеспечить себе?

— Да, и на это! — будто даже гордясь, выкрикнула она.— И я, по рассуждению, поняла: а что ему остается, коли никак иначе не избавиться от тебя? Не травить же, в самом деле, мышьяком. Была нужда — в тюрьме за тебя гнить. На, животина противная, мое тело, насляди свою похоть! Исподнюю-то рубаху скидывать, что ли?

Глаза ее горели теперь каким-то бешенством, неуемной злобой.

— Исподнюю не надо,— сказал он и, не вставая, вытянул ее ремнем по плечу.

— Пав... Пашка! — воскликнула она, вскакивая.

— Исподнюю не надо! — Он тоже поднялся, пошел к ней грузно. Она, закрывая голыми руками лицо, отступала.— Исподнюю не надо, не надо...

Бросив вдруг в траву ремень, он взял под мышку ружье.

— Животное-то не я, а ты! Да еще пуще, видно, твой Денисий. Убирайтесь отседова, чтоб духу вашего я не слышал тут... А я тут человека буду в себе обнаруживать, как мне когда-то один умный человек посоветовал.

И, не заботясь о том, что она не понимает его слов, может быть, даже не слышит их, ушел.

Под осень Макшеевы собрались и уехали на Обь, в село Дубровино. Три года прожил в причулымской тайге Демидов, убеждая себя, что он обнаружил в себе человека и, значит, отстал теперь от Макшеевых навсегда. Но убедить не мог и однажды по весне перевелся в Дубровинское лесничество, что на великой и тихой реке Оби...

Продолжение следует.

Игрушечные истории

Борис ВИНОГРАДОВ

ДОБРЫЙ ВОЛК

Старый театральный Волк переживал глубокую душевную депрессию.

Шутка сказать: всю жизнь играть отрицательного!

Влетает на сцену какой-нибудь разудалый Добрый молодец — рта раскрыть не успел, а уже аплодисменты.

Подбадривает его зритель, указания выкрикивает: дескать, давай, Ваня, круши всякую нечисть, руби злодеев, кащеев и, конечно же, серого Волка.

При таком положении просто на сцену выходить не хочется!

Только-только из-за кулис показался — сразу такое начинается! Одни плачут, другие всех хороших предупреждать начинают: бегите, мол, спасайтесь — Волк пришел!

А некоторые безобразники даже стреляют из рогаток и причем довольно метко.

Есть от чего прийти в уныние.

Но главное — никак не объяснишь, что во всем виноват автор, и это по его авторской воле приходится творить всевозможные безобразия.

Зубами противно щелкать, пугать Красную Шапочку и, что самое неприятное, съедать Бабушку, добрую, всеми уважаемую пожилую женщину.

Каждый раз, когда новый автор приходил в театр и приносил артистам свою новую пьесу, Волк, краснея от волнения, переминаясь с лапы на лапу, ждал, не окажется ли среди действующих лиц хорошего Волка.

И каждый раз его ожидало новое разочарование.

Хороших волков авторы не писали.

«Неужели никто не понимает,— думал старый Волк,— что все мы разные? Неужели я так и уйду на пенсию, не совершив на сцене ни одного благородного поступка? Что обо мне будут думать потомки?»

И Волк решил не выходить больше на сцену.

«Будь что будет,— сказал он сам себе,— пусть объявят выговор или даже выгонят из театра. Хватит. Финита ля комедия!»

Начался очередной спектакль.

Раскрылся занавес, и зрители увидели сказочный лес.

Причудливые деревья, синее небо и маленький домик под черепичной крышей.

Бабушка сидела на крылечке, вязала кофту и ждала Красную Шапочку.

Вот тут-то и полагалось появиться Волку, но он не появлялся, а сидел далеко от сцены, притаившись за большим деревянным ящиком.

И, конечно, не прошло и пяти минут, как в театре началась невообразимая паника.

— Где этот проклятый хищник? — рычал помощник режиссера, бегая по всем комнатам.— Не могу же я сам сожрать эту чертову Бабушку!

Волк, разумеется, все слышал, его игрушечное сердце отчаянно билось, но он упорно продолжал сидеть за ящиком.

Бабушка связала кофту и не знала, чем ей заняться дальше. Зритель, видя, что ничего не происходит, начал волноваться.

И тут на глаза помощнику попался Крокодил.

Он играл в другой сказке и оказался в театре совершенно случайно.

— Немедленно на сцену! — закричал обрадованный помощник.— Иди, твори!

— Но я не знаю, что надо делать,— взмолился Крокодил.

— Все очень просто: ты съешь Бабушку и ляжешь спать. Иди!

Из зала неслись возмущенные возгласы, другого выхода не было, и Крокодил выполз на сцену. Все замерли от ужаса. А Волк, ничего не подозревая, продолжал сидеть за ящиком.

И вдруг он услышал страшный крик. Это кричала Бабушка. К Волку-то она привыкла, а тут, подумайте, Крокодил! «Что они там без меня натворили,— дрожа от волнения, подумал Волк,— уж не случилось ли чего с нашей Бабушкой?»

И он не выдержал, вскочил — и на сцену. Артист!

Подбегает к домику и видит: Бабушка лежит без сознания, а Крокодил уж пасть раскрыл и вот-вот ее проглотит.

И Волк бросился на Крокодила!

— Ура! — закричали в зале.— Наш подоспел! Давай, Волк, круши всякую нечисть!

И началась схватка. Трудно пришлось Волку, но он дрался, как настоящий герой, и вскоре Крокодил удрал со сцены, проклиная Бабушку, Волка и помощника режиссера.

Долго-долго аплодировали зрители.

Занавес то поднимался, то опускался, а крики не смолкали:

— Волк, браво! Молодец, Волк!

Старый Волк непривычно, смущенно кланялся, вилял хвостом, как обыкновенная дворняжка, и с надеждой оглядывал зрительный зал, не находится ли здесь какой-нибудь автор, который все видел и теперь наконец сядет писать пьесу о добром и храбром Волке.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Рисунки Ю. Черепанова.

Это был действительно Железный Человечек. Руки, ноги, голова — все прочное, блестящее, из металла.

Человечек очень гордился собой и с презрением смотрел на окружающих.

«Смешные, жалкие куклы! — думал он.— Какие они хрупкие! Один упал — трещина. Другой за что-то зацепился — и вот уже вата висит клочьями. Слезы, огорчения! Смешно, честное слово! То ли дело я. Мне ничего не страшно. Колю лбом грецкие орехи — и хоть бы что! Ни вмятинки. Ну кто же может со мной сравниться? Кто?»

И Железный Человечек огляделся по сторонам. Все занимались своими делами: Мишка дремал, Матрешки смотрели в окно, а кукла Катя сидела на лавочке, и, конечно, рядом с ней стоял ватный мальчик Петя с букетом бумажных цветов.

Все давным-давно знали, что он влюблен в куклу Катю, очень страдает, но никак не может объясниться: уж очень у него нерешительный характер. Вот и сейчас он стоял и молчал.

Кукла Катя тоже молчала и слегка покачивала головой, просто так, чтобы хоть чем-нибудь заняться. Ей очень нравился мальчик Петя, и она уже несколько раз собиралась ему об этом сказать, но тоже не решалась. Женщина все-таки.

«Как смешно, когда влюбляется ватная игрушка! — отметил про себя Железный Человечек.— Нет ни силы, ни уверенности в себе. Стоит, пыхтит, а двух слов сказать не может. Размазня! Сейчас я ему покажу, как себя ведут настоящие мужчины».

И Человечек железным шагом подошел к скамейке.

Катя испугалась, вскрикнула и спряталась за Петину спину.

Человечек расхохотался металлическим смехом.

— Что с тобой, моя куколка? — сказал он.— Я увидел, что тебе скучно, и пришел пригласить тебя прогуляться со мной.

— Но я не имею ни малейшего желания с вами гулять,— ответила Катя.— И мне совсем не скучно, уходите!

— Я тоже требую, чтобы вы ушли,— вмешался в разговор ватный Петя.— И чем быстрее, тем лучше.

Железный Человечек заскрежетал всеми частями своего железного тела. От гнева он покраснел и стал похож на изделие из бронзы.

— Он требует — скажите, пожалуйста! Да кто ты такой, чтобы требовать! Вот я тебя...

Тут Железный Человечек размахнулся и как ударит ватного Петю. Бах-трах!

Игрушки даже глаза закрыли от страха.

«Все! Погиб Петя,— подумали они.— Сейчас от него останутся только клочки ваты. Бедная Катя! Что же делать, однако? Ведь с этим разбойником никто не справится».

Подумав так, они открыли глаза и увидели... Что они увидели!

Железный Человечек лежит на полу, нелепо раскинув руки, а ватный Петя стоит, как стоял, не шелохнувшись. Вата на груди у него разорвалась, и под ней блестит металл!

Да! Петя оказался тоже Железным Человеком!

Только он никогда ничего об этом не говорил и не хвастался понапрасну. Катя зарыдала и неожиданно сказала, что любит его. Петя совсем смутился, но тоже сказал, что любит Катю. Игрушки закричали «Ура!», а Железный Человечек незаметно исчез.

Кто-то потом рассказывал, что его видели в сарае. Что он стал тихим, задумчивым, совсем растерял свою самоуверенность и заржавел.

МАЭСТРО, ДАВАЙ!

Борис ЕГОРОВ

...Я оказался в старинном городе с узкими улочками. По одной из них шествовал огромный черный кот. Размерами он намного превосходил тигра.

Потом я увидел несколько принцесс. Их нетрудно было узнать по одеждам, расшитым золотом. Пажи несли шлейфы. Принцессы шли важно и беседовали неторопливо.

Затем дома расступились, и перед моими глазами возникла поляна. На поляне росло дерево. На дереве росли... поросята, хвостиками вверх. Под деревом беззаботно спал свинопас.

Возможно, читатель подумает, что черный кот, принцессы и поросята хвостиками вверх мне просто приснились. Нет. Все было наяву на карнавале в болгарском городе Габрово.

Габровцы — люди трудолюбивые. Потомственные рабочие. По легенде город основал кузнец Рачо — Рачо Ковач. В прошлом веке в городе было более четырехсот кузниц.

Теперь кузнечный горн, наковальню, молот и бородатого кузнеца можно увидеть только в городском этнографическом музее. Это парк, в котором расположены действующие водяные мельницы, мастерские ремесленников и кузница. Здесь воспроизведен старый быт габровцев. В музее всегда много туристов из разных стран. В кузнице на глазах у туристов мастера выковывают сувениры.

Габровцы — издавна люди изобретательные — утверждают, что именно они выдумали узкие брюки и короткие юбки, планер, спичечные коробки, намазанные только с одной стороны, а также режим экономии электрической энергии.

Электричества Габрово расходует много, ибо в городе, протянувшемся на восемнадцать километров, находятся предприятия, выпускающие текстиль, обувь, инструмент, приборы, электротельферы, ткацкие станки, электронные машины.

Остряки, юмористы по природе, габровцы создали сами о себе великое множество анекдотов. И в анекдотах говорится, что:

...жители Габрова обрубают кошкам хвосты, чтобы двери за ними закрывались быстрее и не выстуживались квартиры.

...на ночь они останавливают часы, чтобы не изнашивались части.

...принимая гостей, они так нагревают ножи, чтобы нельзя было брать масло.

Несть числа этим анекдотам. Они разнообразны, не повторяют друг друга, но тема у них одна — скупость.

Скупости как таковой у габровцев мне обнаружить не удалось. Наоборот, они очень щедро принимали гостей очередного — шестого фестиваля сатиры и юмора. Гостей было много, так что в отеле «Балкантуриста» вывесили объявление: «Свободни места няма». Приехали артисты сатирического и музыкального театров из Софии, кукольного из Старой Загоры, народной оперы из Пловдива, приехали самодеятельные коллективы из Варны, Ямбола, Казанлыка, Ихтимана. Прибыли зрители и болельщики из других городов. Места стоянок для машин заказывали за несколько дней.

Принимали габровцы и зарубежных гостей — юмористов и сатириков, журналистов.

Десять дней шел фестиваль. Каждый день по нескольку представлений. Билеты нарасхват.

Но центральным событием фестиваля было, конечно, карнавальное шествие. В нем участвовало 35 тысяч габровцев. Остальные 35 тысяч заполнили тротуары улиц, подоконники, балконы и крыши домов. На крышах стояли, держась за телевизионные антенны.

...Свежий ветерок трепал флажки. Зазвучали и смолкли фанфары. И вдруг из репродукторов послышалась команда:

— Маэстро, давай!

Грянула музыка, и на площадь 1 Мая вступил огромный черный плюшевый кот, намного превосходящий размерами тигра.

Почетный председатель праздника народный артист Георги Калоянчев обрезал коту хвост. После этого традиционного торжественного обряда началось шествие.

И тогда-то я увидел принцесс. Они шли в колонне, в которой были представлены бездельники всех времен и народов. Тунеядцы проходили отряд за отрядом. В исторической последовательности. Бездельников нашей эпохи олицетворяли девчата в мини-мини-юбочках и бородатые юнцы в джинсах. Содрогаясь в конвульсиях, они исполняли супермодные танцы Запада.

А за ними двигалась автоплатформа. На платформе росло дерево. На дереве росли поросята хвостиками вверх. Под деревом на травке беззаботно спал свинопас. И под ним было написано: «Мечта животновода».

Карнавальное шествие было долгим. Его завершал международный раздел. Тоже на платформе проехала гигантская жаба. Она беспрестанно раскрывала пасть — квакала. На ней было написано: «Радио «Свободная Европа».

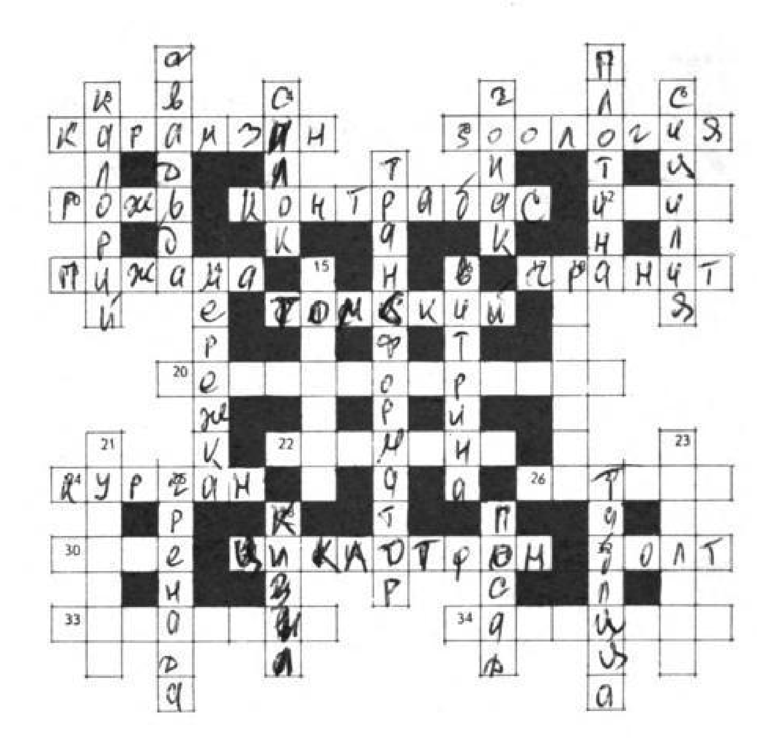
В дни фестиваля в Габрове работало национальное совещание по проблемам эстрадно-сатирической самодеятельности. И еще была пресс-конференция для болгарских и иностранных журналистов, которую проводил председатель городского Совета Михаил Додунеков. На пресс-конференции выступил первый секретарь окружного комитета Болгарской коммунистической партии Пенчо Карапенев. Он говорил о настоящем и будущем Габрова. Говорил о роли сатиры и юмора в социалистическом обществе.

Посмотрев в сторону некоторых зарубежных корреспондентов, П. Карапенев сказал:

— Напишите правду. Напишите, что в стране социализма проводится конкурс на анекдот. Дела у нас идут хорошо, и кому, как не нам, смеяться.

Утих смех шестого фестиваля. Пройдет год, и над площадью 1 Мая вновь послышится команда:

— Маэстро, давай!

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский писатель и историк. 8. Наука, изучающая животный мир. 10. Картина И. И. Шишкина. 11. Смычковый инструмент. 12. Приток Ангары. 13. Домашний костюм. 17. Минерал. 19. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 20. Раздел лингвистики. 22. Красящее вещество в тканях организма. 24. Областной центр в РСФСР. 26. Оттиск с гравюры. 30. Шерстяная ткань. 31. Ускоритель заряженных частиц. 32. Крепежная деталь. 33. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 34. Спутник планеты Юпитер.

По вертикали: 1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Гидротехническое сооружение. 3. Единица количества теплоты. 4. Приспособление для ловли птиц. 5. Украинский народный танец. 6. Остров в Средиземном море. 9. Аппарат для повышения или понижения напряжения электрического тока. 14. Вышивка в виде узорчатой полоски. 15. Государство в Латинской Америке. 16. Окно магазина с образцами товаров. 18. Тропическое растение. 21. Река в Волгоградской области. 23. Цветное стекло для мозаики. 25. Стихотворение М. Светлова. 27. Числовые данные, расположенные по графам. 28. Плодовое дерево или кустарник. 29. Часть города в Древней Руси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 5. Садко. 8. Рыжик. 9. Белокуриха. 10. Дамба. 12. Саджа. 14. Смоленск. 16. Коверкот. 17. Валежник. 18. Кислород. 20. Трапеция. 21. Серенада. 22. Майор. 25. Ольха. 27. Спендиаров. 28. Пикша. 29. Аврал.

По вертикали: 1. Гайка. 2. Кобра. 3. Аракс. 4. Вираж. 6. Компост. 7. Грознов. 11. Мравинский. 13. «Двенадцать». 14. Синкейрос. 15. «Калевала». 19. Деревня. 20. Трамвай. 23. Аршин. 24. Русак. 25. Отвал. 26. Халат.

На первой странице обложки: Командир отделения старшина II статьи Виктор Хлановский.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Ракетчики береговых частей.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/VII-70 г. А 00414. Подп. к печ. 21/VII-70 г. Формат бумаги 70 × 108[1/8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 200 000 экз. Изд. № 1373. Заказ № 1894.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

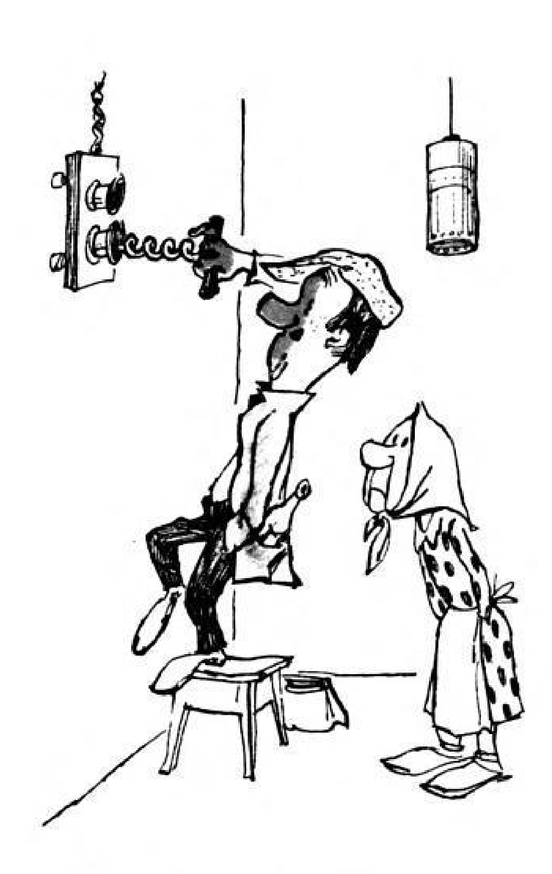
— Ну теперь как обещал, неси на руках!..

Рисунок В. Тамаева.

— В зубном кабинете поставили кресло с катапультой.

— Проверим сначала пробки.

Рисунки А. Алёшичева.

— Василь Иваныч! Давай еще метра на три...

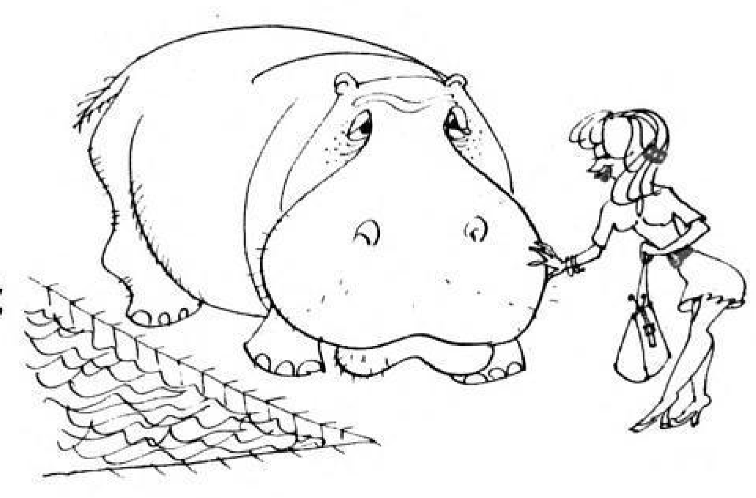
Рисунок Б. Боссарта.

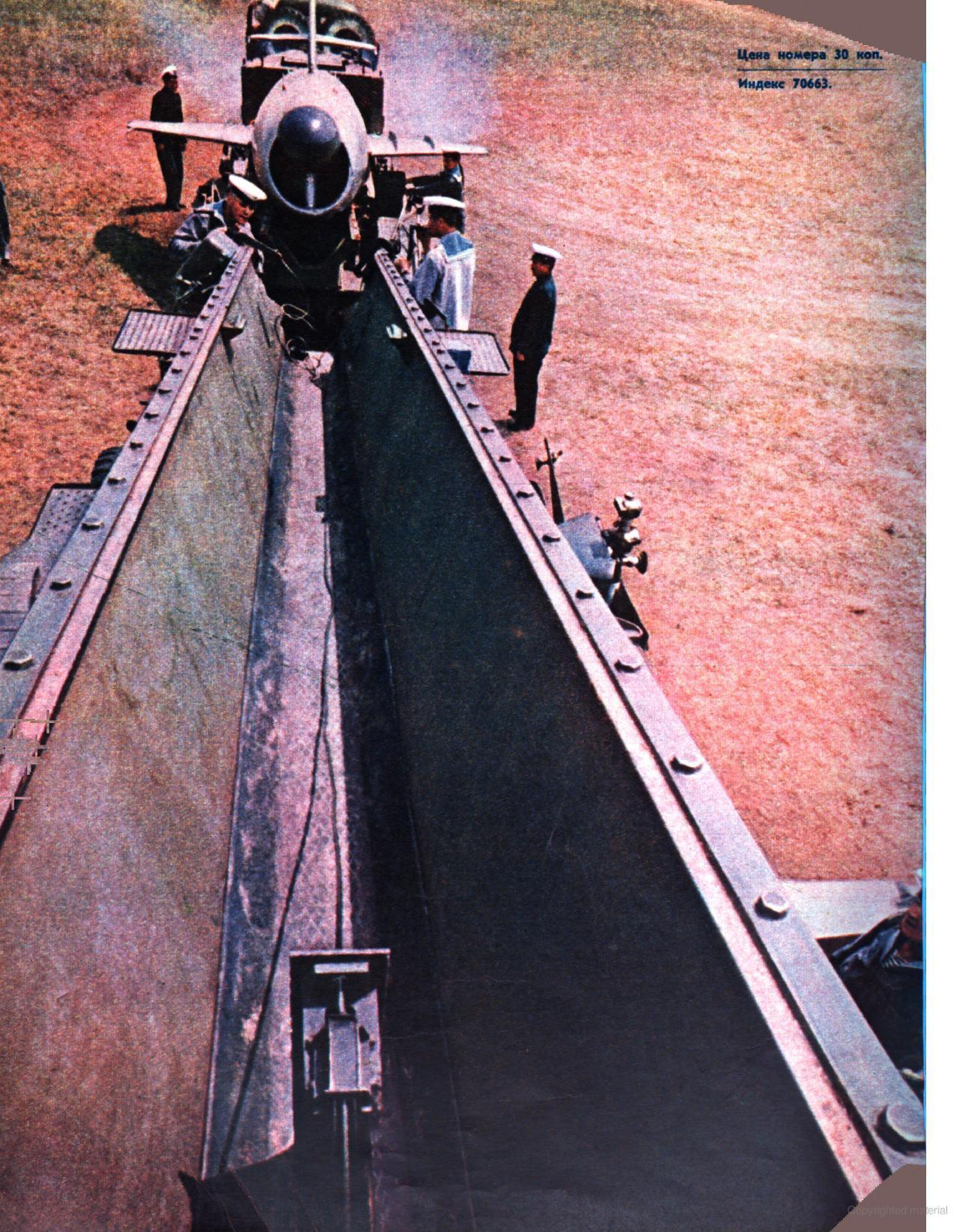

Туризм всей семьей.

Рисунки В. Воеводина.

— Голубушка ты моя, сколько же тебе надо губной помады?!

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.